

ЗНАКИ СУДЬБЫ
Татьяна Корсакова

Самая
темная
ночь

Татьяна Корсакова

Самая темная ночь

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6724588

Татьяна Корсакова. Самая темная ночь: Эксмо; Москва; 2014

ISBN 978-5-699-64534-3

Аннотация

Эти места не зря пользуются недоброй славой. Раз в тринадцать лет сгущаются тучи, наступает самая темная ночь, и над старым пожарищем, где никогда не поднимается ни единой травинки, вспыхивает колдовской огонь. Эта ночь всегда требует себе жертву. На этот раз горькая участь уготована Ксанке – хрупкой девушке, наделенной необыкновенными способностями. Дэн поклялся себе защитить Ксанку, хотя бы ему и пришлось столкнуться с силами, намного превосходящими человеческие.

Содержание

Дэн	4
Гальяно	22
Матвей	31
Дэн	37
Туча	43
Гальяно	49
Матвей	56
Туча	67
Гальяно	73
Дэн	80
Туча	89
Гальяно	101
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Татьяна Корсакова

Самая темная ночь

Андрею Вельниковскому

Дэн

Лето не удалось. Да что там – не удалось, оно обещало стать самым бездарно проведенным летом за всю Дэнову жизнь! Вместо черноморской вольницы под крылом у любимой тетушки ему предстояло целых три месяца промаяться в богадельне, которая официально именовалась элитным спортивно-патриотическим лагерем для сложных подростков.

До недавнего времени Дэн был самым обычным шестнадцатилетним парнем, не имел никаких проблем, занимался спортом, увлекался игрой на гитаре и после окончания школы собирался поступать в радиотехнический институт, но одна-единственная октябрьская ночь изменила всю его жизнь, положила конец всем мечтам и планам...

Он возвращался домой с тренировки. Ничего особенного, самая обычная субботняя тренировка по карате, просто закончившаяся чуть позже обычного. До дома всего ничего, каких-то три квартала: знакомые дворы, не раз хоженные

дорожки. Тем октябрьским вечером было как-то по-особенному темно. Узкую кленовую аллею освещало лишь два фонаря: первый горел в самом начале, второй – в конце. Если идти быстро, то на освещенную улицу можно выйти всего за пару минут, а там уже люди, огни витрин, машины – обычная вечерняя жизнь обычного города.

Дэн не спешил. В шестнадцать лет легко быть бесстрашным. Особенно когда всего через месяц тебе предстоит аттестация на первый дан, когда заветный черный пояс уже практически у тебя в руках, а впереди – турнир на Кубок города и есть все шансы победить. В наушниках играла «Металлика», Дэн шагал, в такт музыке покачивая головой, не вглядываясь в темноту и не стремясь к маячащему в конце аллеи фонарю. Жизнь была прекрасна, а обещала стать еще прекраснее!

Они вышли из темноты – три одинаковые безмолвные тени. Вышли и преградили Дэну дорогу. Рослые, крепко сбитые, с неразличимыми во тьме лицами. Люди-тени. То, что они по его душу, Дэн понял сразу, но, даже когда понял, не испугался. В крови еще бурлил не растраченный во время тренировки адреналин, подначивал, подталкивал вперед. Нет, он не собирался ввязываться в драку, но и убежать, трусливо поджав хвост, тоже не собирался. Парень вытащил наушники, поудобнее пристроил на плече рюкзак.

– Вам чего? – Голос спокойный и миролюбивый. Все, как учил их тренер. «Никогда не показывай врагу свой страх».

Дэн не боялся и не был уверен, что перед ним враги. Мо-

жет быть, всего лишь небольшое препятствие?..

Плохо, очень плохо, что в этот момент на ум ему не пришел еще один тезис тренера: «Не стоит недооценивать противника».

Он недооценил. Их было всего трое, и выглядели они если и не безобидно, то, уж во всяком случае, не слишком страшно. С тремя он справится без проблем.

– Эй, братуха! Не найдется прикурить? – К Дэну шагнул один из троицы, самый высокий, самый плечистый. – Сигаретки вот закончились, как назло.

Щелкнула зажигалка, и оранжевый огонек вырвал из темноты угловатое, покрытое оспинами лицо. Лицо это было известно любому пацану в их районе. Даже сопливые малыши знали, кто такой Рябой. Дэн тоже знал, но раньше жизнь никогда не сводила его, спортсмена и отличника, с главарем местной шпаны. Не сводила, а теперь вот, похоже, свела.

– Не курю. – Дэн сдернул с плеча рюкзак, аккуратно поставил на землю, чуть в стороне, чтобы не путался под ногами, если вдруг придется вступать в бой.

– Курить – здоровью вредить! Так, что ли, спортсмен? – Рябой пнул рюкзак, парни заржали.

Дэн отступил на шаг назад, освобождая место для маневров.

– Ну, нет сигарет так нет! – Рябой пожал плечами, сделал шаг к Дэну, сокращая расстояние до не слишком комфортного. Его дружки двинулись следом.

Дэн не мог видеть в темноте, но был уверен, что они улыбаются, недобро, по-шакальи.

– Ты ж у нас спортсмен, каратист, мастер спорта и прочий Шаолинь... – Рябой снова щелкнул зажигалкой, прикурил.

Встреча получалась неслучайной. Предводитель дворовой шпаны никак не мог знать про карате и «прочий Шаолинь», если только по какой-то причине не узнавал заранее. Если только поджидал на этой темной аллее именно его, Дэна Киреева.

– Что тебе нужно? – Надежда на то, что все еще можно решить миром, истаяла, как апрельский снег.

– Смотрите, братухи, и парниша-то понятливый! Сразу просек, что к чему! – Красный сигаретный огонек описал в темноте дугу. Наверное, Рябой взмахнул рукой. – А вот хотя бы твой плеер, Шаолинь! Это ж не по-пацански, что у тебя есть плеер, а у нас нет!

«Выходить из сложной ситуации нужно малой кровью». Интересно, подаренный отцом на шестнадцатилетие плеер – это малая кровь? И где гарантия, что, как только он отдаст плеер, Дэна оставят в покое?

«Сначала нужно думать и только потом действовать». Дэн подумал.

– Пошел к черту! – Получилось невежливо, зато конкретно. Если эти трое в курсе про карате и «прочий Шаолинь», то вряд ли рискнут сунуться. Они дебилы, но ведь не сумасшедшие.

– Вот что-то подсказывало мне, что этим все и закончится. – Рябой вроде бы даже вздохнул и, кажется, отступил на шаг. – Злые нынче пошли спортсмены. И сигареты с собой не носят, плеером поделиться с товарищами не желают. – В его голосе слышалось разочарование. – Ну да ладно, мы не гордые, мы и без плеера обойдемся. Расступись, братва! Дай пройти надежде отечественного спорта!

Подчиняясь команде, маячившие за спиной Рябого тени и в самом деле расступились. Дипломатия победила агрессию!

Нет, так сказал бы не тренер, а отец. Отцу Дэн верил даже больше, чем тренеру.

– Ничего, бывает. – Дэн потянулся за рюкзаком.

...Удар пришелся на незащищенный затылок в тот самый момент, когда парень поднимал рюкзак с земли. Страшный удар, вышибающий из головы все мысли, кроме одной – не стоит недооценивать противника... Дэн просчитался, их было не трое, а четверо. Четвертый прятался в темноте за Дэновой спиной, прятался и выжидал подходящий момент...

...Дэна нашел обеспокоенный его долгим отсутствием отец. К тому моменту парень был уже избит до полусмерти. Отличнику, спортсмену, без пяти минут обладателю первого дана по карате хватило одного-единственного подлого удара в спину, чтобы отключиться и стать беспомощнее пятилетнего малыша. Его избивали железной арматурой. Окровавленные прутья валялись здесь же, на темной аллее. Сотрясение мозга, разрыв селезенки, внутреннее кровотечение и

сломанные в нескольких местах руки.

«Против лома нет приема». Этот тезис не принадлежал ни отцу, ни тренеру, но оказался самым действенным из всех...

Дэн пришел в себя, когда его грузили в «Скорую», сквозь кровавую пелену увидел испуганное лицо отца, попытался улыбнуться. Улыбка не получилась, из рассеченной губы тут же пошла кровь, наполняя рот горько-соленым.

– Как ты, сынок? Кто это сделал? Ты видел? – Отец говорил спокойно, но Дэн знал цену этому спокойствию.

Он не стал отвечать, устало прикрыл глаза. Ему нужно было подумать, хорошенько подумать, прежде чем дать правильный ответ.

Подумать тоже не получилось, стоило только сомкнуть веки, как вслед за темнотой снова пришло спасительное беспамятство.

В следующий раз в сознание Дэн пришел уже в палате интенсивной терапии после операции по удалению селезенки, ликвидации внутреннего кровотечения и наложения металлических пластин на раздробленные кости. Впереди его ждал долгий и нелегкий курс реабилитации, а за дверями реанимационной палаты – следователь. Следователю он не сказал ничего.

«Мужчина должен сам решать свои проблемы». Это было его личное, дорогой ценой доставшееся кредо. Дэн разберется сам, как только сможет встать на ноги, а пока ему нужно подумать.

Думать было тяжело. Мысли скользили, расплывались бесформенными кляксами, не желая складываться в четкую картинку. На него, без пяти минут обладателя черного пояса по карате, напали, его избили и искалечили. Одно только это вышибало из глаз злые слезы. Не боль, не собственная беспомощность, а вот этот неоспоримый факт. Против лома нет приема... Или просто он сам далеко не такой хороший спортсмен, как ему казалось... Мысли эти были беспощадные, они лишали Дэна сна и покоя. Но имелось и еще кое-что. Нападение было запланировано, в этом он не сомневался. Оставалось понять, кому это понадобилось.

Плеер, который чисто теоретически мог послужить причиной конфликта, нашли на аллее. Он был разбит и не подлежал восстановлению. Дэн тоже оказался разбит, и с восстановлением у него тоже имелись проблемы. Он уже не попадал ни на аттестацию, ни на турнир. И даже сами занятия карате теперь были для него под большим вопросом.

Тренер пришел к Дэну сразу, как только врачи разрешили посещения, придвинул к больничной койке стул, заглянул в лицо:

– Ты видел, кто это сделал? – задал он вопрос, который в эти дни Дэну задавали неоднократно.

В голосе его звучало недоумение. «Как же ты так подставился, Киреев?!» – слышалось в его голосе. Неправильно понял ситуацию, недооценил противника. И не важно, что Дэн спортсмен, а не боец спецназа. Важно, что свой, возможно,

самый важный в жизни бой он проиграл, даже не вступив в него.

Так и не дождавшись ответа, тренер встал, посмотрел на Дэна сверху вниз, сказал после долгого молчания:

– Ты справишься с этим, я знаю.

Дэн попытался улыбнуться, осторожно, самыми уголками разбитых губ. Да, он справится. Он решит все свои проблемы. Нужно лишь время.

– Только не наломай дров. – Тренер рассматривал что-то невидимое в углу Дэновой палаты. – Сначала все хорошенько взвесь и только потом сделай.

Непременно! Он теперь только тем и занимается, что взвешивает все «за» и «против».

Дэн выздоравливал быстро. «Заживает, как на собаке», – шутил лечащий врач. «Молодой организм», – ободряюще улыбался отец.

Да, молодость делала свое дело, но помогала Дэну не она, а граничащая с одержимостью злость. Встать на ноги, научиться владеть непослушными руками, вырваться наконец из душных больничных стен.

Его калечили продуманно и целенаправленно. Для банального грабежа хватило бы одного, самого первого удара, а ему переломали руки. Сломали бы и ноги, но, наверное, им не хватило сил. Или времени.

Неоправданная жестокость. Была бы неоправданной, если бы эти четверо не знали, с кем имеют дело, если бы не под-

жидали именно его...

Дэн вышел из больницы уже зимой. Морозный, пахнущий выхлопными газами воздух казался ему упоительным. И даже ноющая боль в не слишком удачно сросшейся руке не могла лишить его решимости.

На тренировку он пришел в первых числах марта. К тому времени самое важное в его жизни соревнование уже было позади. Чемпионский титул достался Вадику Ильюшкину, другу и вечному сопернику. Дэну не повезло, и Вадик не упустил свой шанс. Уже не второй, а заслуженный лидер, потому что самый первый тренировочный бой показал, что шанс стать чемпионом Дэн Киреев потерял навсегда. Одна-единственная октябрьская ночь сломала не только его кости. Что-то непоправимо сломалось у него в голове, превратив спорт в неважное и ненужное, подменив цели и ориентиры. Подтверждение своим мыслям он увидел во взгляде тренера.

Нет, Дэн не ушел из спорта. Наоборот, он продолжал тренироваться с пугающим остервенением, не обращая внимания на робкие попытки родителей перенаправить бушующую в нем энергию в более мирное русло.

...Рябого он встретил сырым апрельским вечером на той самой аллее. Вся разница в том, что Рябой на этот раз был без свиты, а Дэн научился вести бой по его правилам.

Свалить Рябого оказалось до скучного легко. Без своих дружков, без прутьев арматуры, с одним лишь свинцовым кастетом он был жалок. Жалок до такой степени, что ярость,

вот уже который месяц бушующая в Дэновом сердце, вдруг утихла. Он не стал калечить Рябого. Он просто впечатал поверженного врага в землю и задал один-единственный вопрос – кто?

Рябой заговорил сразу, наверное, скудным своим умом догадался, что лучше сказать правду. А может, увидел на дне Дэновых глаз злобного демона, который родился стылой октябрьской ночью, в тот самый момент, когда сам Дэн болтался между жизнью и смертью.

Ответ лежал на поверхности, но все равно шокировал. Вадик Ильюшкин, друг и вечный соперник, заплатил Рябому за то, чтобы фаворит и главный претендент на чемпионский титул не просто сошел с дистанции, а остался инвалидом...

Все-таки Дэн набил Рябому морду и пообещал, что с этого дня будет присматривать за ним. Наверное, рожденный стылой октябрьской ночью демон снова взглянул на мир Дэновыми глазами, потому что Рябой заклацал зубами, затрясся в мелком ознобе и стал молить о пощаде. Значит, поверил. Это хорошо, может, теперь он поостережется нападать на беззащитных людей.

Вадик Ильюшкин, некогда друг и соперник, а теперь подлец и предатель, понял все, стоило только им столкнуться на заднем дворе спорткомплекса. Понял, но, в отличие от Рябого, не испугался. Теперь уже он, а не Дэн, являлся чемпионом и главным фаворитом. За его спиной не было месяцев, проведенных на больничной койке, бессонных, напол-

ненных болью ночей и мучительной реабилитации. Впрочем, как и не было за его спиной и той сокрушающей все преграды ярости, которая превращала романтика и идеалиста Дэна Киреева в холодного и расчетливого бойца.

Это был честный бой. По крайней мере в самом начале, пока Вадик Ильюшкин еще считал себя неуязвимым. Он понял свою ошибку быстро, он всегда отличался сообразительностью и хорошей реакцией, поэтому, едва начавшись, схватка перешла в совершенно иную стадию.

– Не на жизнь, а на смерть! – подначивал родившийся стылой октябрьской ночью демон. – Убей ты, а иначе убьют тебя!

Дэн не знал, не успевал думать, чем закончится этот бой. Лишь с мрачным удовлетворением отмечал, что очередной удар достигал цели. «Не нужно недооценивать противника». Все, он больше не станет недооценивать...

Вадик Ильюшкин уже был повержен, когда в бой вмешался третий.

Победить тренера нелегко, но Дэну почти удалось. До тех пор, пока мощный удар в корпус не отшвырнул его на несколько метров, впечатав в кирпичную стену. Но даже когда от боли сбилось дыхание, а перед глазами поплыл кровавый туман, Дэн не собирался сдаваться.

– Киреев, остановись! – Тренер увернулся от удара. – Остановись, пока не наделал еще больших глупостей! Ну, слышишь ты меня?!

Способность соображать вернулась к Дэну не сразу, лишь

после того, как тренер еще раз впечатал его в стену, заглянул в ничего не видящие глаза, еще раз проорал:

– Киреев, не валяй дурака!

– Да... – Дэн медленно сполз спиной по стене, уселся у ног тренера. Его трясло так же, как еще недавно трясло Рябого.

– Дурак ты, Киреев! Ты ж все испортил, ты ж карьеру свою спортивную загубил. Ты же смотри, как все получилось... нельзя же вот так, сплеча... – Тренер смотрел на него сверху вниз, и непонятно было, чего в его словах больше, досады или жалости. – Зачем же вот так?..

Он не ответил зачем, он смотрел на поверженного врага, но сжимавшие сердце тиски так и не разжались.

Им досталось обоим. Перелом носа и множественные ушибы у Вадика Ильюшкина. Повторное сотрясение мозга и до кости рассеченная бровь у Дэна. Можно считать, что после вмешательства тренера бой закончился ничьей. О том, что случилось бы, не будь этого вмешательства, Дэну думать не хотелось. С мрачной сосредоточенностью он смотрел на поскуливающего от боли Вадика, рукавом олимпийки вытирал заливающую глаз кровь и не думал ни о чем. В том месте, где положено биться сердцу, Дэн чувствовал лишь звенящую пустоту.

– Ты хоть понимаешь, чем тебе это грозит? – Рядом присел тренер, протянул носовой платок. – Что на тебя, черт возьми, нашло, Киреев?!

– Он знает что! – Дэн мотнул головой в сторону Ильюш-

кина. Голова тут же предательски закружилась.

Тренеру не требовалось ничего объяснять, он прожил достаточно длинную жизнь, большая часть которой была отдана спорту. Он прекрасно знал цену победам и поражениям, знал, как иногда сходят с дистанции фавориты и кто за этим стоит.

– Дурак, – снова сказал тренер и сжал кулаки. – А если тебя посадят? Ты думал об этом?

Он не думал. То есть он думал о сотне вещей, но упустил из виду самую важную, самую очевидную.

– Так я и знал. – Тренер кивнул. – Ты должен был кому-нибудь рассказать. Ты должен был прийти ко мне...

Да, он должен был кому-нибудь рассказать, но тогда это оказалось бы не по-мужски, а он хотел разобраться со всем сам.

На задний двор спорткомплекса въехала вызванная тренером «Скорая». Дэн попытался встать на ноги, но голова снова закружилась, пришлось опереться на руку подоспевшего фельдшера.

– Что тут у вас? – Врач, немолодой, усталого вида дядька, рассматривал разбитую морду Ильюшкина.

– Ничего... – Из-за сломанного носа голос Ильюшкина сделался гнусавым. – Упал.

– Упал, значит. – Врач покачал сидящей головой, перевел взгляд на тренера. – Вы «Скорую» вызывали?

– Я.

– Выходит, у них тут ничего особенного, только физики расквашены? Упали, выходит? Один глазом упал, другой носом...

Дэн не дослушал, его вырвало прямо на ботинки фельдшера. Тот чертыхнулся, а врач продолжил:

– И сотрясение мозга у этого, – он кивнул на шатающегося от слабости и головокружения Дэна, – тоже само собой приключилось?

Прежде чем ответить, тренер испытывающе посмотрел на Ильюшкина. Что там такое было в его взгляде, Дэн не знал, только бывший друг вдруг заговорил быстро и сбивчиво, сплевывая на землю кровь:

– Все нормально. Мы тренировались...

– Тренировались они. – Врач удивленно приподнял брови, снова посмотрел на тренера. – Да у вас тут, как я посмотрю, не спорткомплекс, а гладиаторская арена! И часто ваши воспитанники так тренируются?

Голова кружилась, и картинка перед глазами была нечеткой, но, преодолевая тошноту, Дэн решил вмешаться.

– Мы сами, тренер ничего не знал, он нас разнимал.

– Сами, – пробубнил Ильюшкин и бросил на него полный ненависти взгляд. – Мы поссорились, и вот...

– Они поссорились! – Врач развернул Дэна лицом к себе, посветил невесть откуда взявшимся фонариком сначала в один глаз, потом в другой. – Поссорились до сотрясения мозга и перелома носа? Это что же у вас за ссоры такие? Вот

молодежь пошла, чуть что не так, сразу морду друг другу бить! Ну да ладно, не мое это дело, кому надо, те разберутся. А вы, – он посмотрел на тренера осуждающе, – уж примите меры! Сдается мне, ваши воспитанники опасны. Таких на улицу без намордников выпускать нельзя.

– Приму, – с мрачной решительностью пообещал тренер, и Дэн с неотвратимой ясностью понял, что с этого самого момента дорога в клуб ему заказана.

– Ну, гладиаторы, чего расселись?! Давайте грузитесь в «Скорую»! – велел врач и еще раз неодобрительно покачал головой.

Можно сказать, Дэну повезло. Если бы родители Ильюшкина заявили в полицию, последствия могли оказаться очень серьезными, но они не заявили. Дэн был почти уверен, что это Вадик их отговорил, но отнюдь не из-за раскаяния. Причина была проще и банальнее. Если бы делу дали ход, всплыла бы и осенняя история. Ни Рябой, ни его дружки молчать не стали бы, а у отца Дэна имелось достаточно сил и влияния, чтобы заставить следствие докопаться наконец до правды и найти зачинщика, если не сказать заказчика.

Все закончилось тем, что спустя несколько недель Ильюшкин-старший явился в квартиру Дэновых родителей с требованием денег за моральные и физические страдания. Отец денег дал без лишних разговоров, но, как только за незванным гостем захлопнулась дверь, посмотрел на Дэна:

– Ты по-прежнему не хочешь мне ничего рассказать?

– Нет, прости.

Наверное, нужно было рассказать, поделиться своей болью с самыми близкими и родными людьми, но он не смог. Побоялся лишний раз расстраивать маму. Побоялся, что интеллигентный и до кончиков ногтей правильный отец не поймет и не примет того, что Дэн сделал. Или хуже того, разочаруется в нем окончательно.

– В таком случае нам с мамой есть что тебе сказать, сынок. – Отец поправил очки, тяжело вздохнул. – Мы думаем, что твоя агрессия может быть опасна. В первую очередь для тебя самого. Наверное, нам стоит обратиться к психологу.

– Мне не нужен психолог.

Он уже со всем разобрался, все для себя решил. Зачем ворошить то, что уже утратило актуальность?

– Не нужен? – Отец кивнул, приобнял за плечи встревоженную маму. Голос его звучал тихо, но решительно. – Мы предвидели такой ответ, и поэтому у нас есть запасной вариант. Дэн, я имел беседу с твоим тренером. Он тоже обеспокоен происходящим. Настолько, что предложил нам один вариант. – Отец сделал паузу, ободряюще посмотрел на маму, а потом сказал: – Этим летом ты не поедешь на море, сынок.

Мама вздохнула, хотела возразить, но отец предупреждающе поднял руку и повторил:

– Этим летом ты не поедешь на море, ты поедешь в спортивно-патриотический лагерь.

– В какой лагерь? – переспросил Дэн. Словосочетание «спортивно-патриотический» ему сразу не понравилось. От него веяло муштрой и скукой.

– Понимаю, звучит не слишком воодушевляюще. – На лице отца появилась и тут же исчезла робкая улыбка. – Но на самом деле все не так плохо. Я наводил справки, лагерь работает три года, и у его создателей отличная репутация. А какие там места! Там изумительные места!

– Где – там? – Дэн уже смирился с решением родителей. Он бы смирился с любым их решением, даже с психологической консультацией, потому что чувствовал себя виноватым, но ему хотелось знать наверняка, в какой дыре придется провести лето.

– В Макеевке, – сказал отец таким тоном, как будто это все объясняло.

– Денис, – мама высвободилась из объятий отца, присела рядом с Дэном, взяла его за руку, – это в двухстах километрах от нас. Чудесная деревушка, в чудесном месте.

– Деревушка?..

– Разумеется, тебе не придется жить в деревне, – снова заговорил отец. – Под лагерь переоборудована старинная графская усадьба. Это в нескольких километрах от Макеевки. В усадьбе есть все необходимое для нормальной жизни и отдыха: четырехместные комнаты, спортивный зал, библиотека, кинотеатр. Я знаю, о чем говорю, я видел все это своими глазами.

– Папа ездил в Макеевку на прошлой неделе, как только твой тренер предложил такой вариант, – поддержала отца мама. – Лагерь очень хороший.

– И чем он отличается от обычного летнего лагеря? – спросил Дэн.

– Дисциплиной, – сказал отец жестко. – Меня заверили, что воспитанникам уделяют максимум внимания, ваше время будет расписано по минутам, и вы не сможете...

– Заниматься всякой ерундой, – закончил за него Дэн.

– Да. Ты уже достаточно взрослый, скоро тебе исполнится семнадцать. Денис, мы с мамой очень надеемся, что ты нас поймешь. Недавние события заставляют нас принимать непопулярные меры, но мы делаем это исключительно ради твоего блага.

– Я понимаю. – Дэн обнял маму, поцеловал ее в щеку. – Когда нужно ехать в этот замечательный лагерь?

Родители переглянулись, в их взглядах читалось облегчение.

– В первых числах июня, – сказал отец. – Нам позвонят.

Вот так он и оказался у черта на рогах в спортивно-патриотическом лагере с совершенно неспортивным и непатриотичным названием «Волки и вепри». Здесь, в окружении незнакомых пацанов, должно было проходить самое скучное в его жизни лето.

Если бы только родители Дэна знали, чем оно закончится, то не раздумывая отправили бы сына на море к тетке...

Гальяно

– Приехали! – сообщил водитель автобуса и ударил по тормозам.

Озверевший от долгого безделья Вася Гальянов, уже год как сокративший плебейское Гальянов на аристократическое и страстное Гальяно, вслед за сопровождающим их группу парнем выскочил наружу, несколько раз присел, разминая затекшие ноги, и только потом осмотрелся.

Автобус остановился в центре заасфальтированной площадки перед приземистым, по всему виду, недавно отремонтированным двухэтажным особняком. Дом опирался на четыре здоровенные колонны. К центральному входу вела выложенная фигурной плиткой дорожка, по бокам от нее буйным цветом колосились клумбы, пахло сырой землей и свежескошенной травой. Источник запахов Гальяно идентифицировал сразу: слева от входа в особняк, прямо посреди заросшего отцветающими одуванчиками газона, стояла газонокосилка, справа на точно таком же одуванчиковом газоне работала закрепленная на воткнутом в землю колышке поливалка. В струях воды переливалась радуга. По бокам от центрального здания располагались два одинаковых одноэтажных флигеля.

Рассматривать поместье, в котором им всем предстояло провести целое лето, было интересно, но внимание Галья-

но привлекло нечто куда более любопытное. К автобусу летящей походкой приближалась девушка! Она была хороша особенной, по-голливудски яркой красотой. Изящные формы, выющиеся белокурые волосы, легкомысленный сарафан, белый в красный горошек, и умопомрачительной длины загорелые ноги незнакомки заставили падкое до красоты сердце Гальяно биться в два раза быстрее.

– Мэрилин Монро, – прошептал он, улыбаясь совершенно идиотской улыбкой.

Пожалуй, нужно сказать мамке спасибо за ту решительность и напористость, с которой она выбивала для единственной кровиночки путевку в этот суперэлитный и супердорогой лагерь. В НИИ, где она работала, пришла лишь одна такая чудесная путевка, и поехать отдыхать должен был не сынок рядовой лаборантки, а отпрыск куда более важной персоны, но надо знать мамку! Ради Гальяно она была готова совершить невозможное, а тут такая мелочь – всего лишь какая-то путевка! А он еще сопротивлялся, не хотел ехать. Дурак! Вот не поехал бы и не увидел Мэрилин Монро!

– Ну, наконец-то! – Мэрилин улыбнулась белозубой улыбкой сразу всем прибывшим, посмотрела на Гальяно так, что его бедное сердце едва не остановилось. Ах, как она на него посмотрела! Наверное, сразу поняла, что он особенный, что в настоящей красоте разбирается получше взрослых мужиков.

– Здравьте! – Он хотел отвесить прекрасной незнаком-

ке галантный поклон, может, даже приложиться в поцелуе к изящной ручке, но растерялся так, что вместо этого выдал лишь пошлое «здрасьте».

– Привет! – Мэрилин снова улыбнулась, но теперь уже персонально Гальяно, а потом проскользнула мимо, обдав ароматом сладко-цветочных духов, и – о, ужас! – расцеловалась с сопровождающим их группу парнем.

– Как добрались? – Она смотрела на сопровождающего незабудково-синими глазами, а душу Гальяно до самых краев наполняла жгучая ревность.

– Привет, Леночка! – Парень обнял Мэрилин, которая оказалась и не Мэрилин вовсе, а обыкновенной Леночкой, за загорелые плечи. – Да нормально доехали! Что тут ехать-то! Разве что проголодались немного с дороги. Эй, архаровцы, мы проголодались? – Он обернулся к вывалившимся из автобуса пацанам.

– Ага, кушать хочется! – сообщил стоящий ближе всех к Гальяно толстяк.

Гальяно окинул толстяка презрительным взглядом. Переваливающееся через ремень джинсов пузо, круглое лицо, румяные, точно свеклой нарисованные щеки, пороссячьи глазки, второй подбородок и кучерявая башка. Да, такому только о хавчике и думать! Ну да и ладно, одним конкурентом в борьбе за сердце ветреной Мэрилин меньше. Гальяно посмотрел на пацанов, которым на долгие три месяца предстояло стать его боевыми товарищами, оценивающе сощурился.

По всему выходило, что конкурентов у него не так уж и много, но несколько человек запросто могли доставить ему определенные хлопоты. Во-первых, сопровождающий, он же командир их отряда, он же Суворов Максим Дмитриевич. Гальяно не хотелось вспоминать имя конкурента, но оно вот как-то само собой всплыло в памяти. Суворов, пожалуй, мог стать самой большой проблемой Гальяно. Высокий, атлетически сложенный, смазливый и оттого невероятно наглый. Конечно, наглый! А иначе посмел бы он вот с такой фамильярностью обнимать Мэрилин!

Конкурентом номер два Гальяно назначил высокого блондина, тоже смазливого, тоже атлетически сложенного, только более тонкокостного, более изящного. Конкурента номер два звали Дэн Киреев, в автобусе он сидел на соседнем сиденье и всю дорогу до лагеря равнодушно смотрел в окно, а на попытки Гальяно завести разговор реагировал лишь односложными фразами. Самодовольный выскочка! Чертовски опасный самодовольный выскочка. Женщины любят таких вот пустоголовых красавчиков с волевым подбородком и надменным взглядом серых глаз. Но Мэрилин – не обычная женщина, она наверняка так же умна, как и красива. Она примет правильное решение, когда придет время делать выбор.

Взгляд Гальяно устремился еще на одного, слава богу, последнего конкурента. Этот тоже был высок и хорош собой. Возможно, чуть менее высок и чуть менее хорош, чем блон-

динистый выскочка, но зато у него имелся один существенный козырь – обаяние! Конкурент номер три, Гальяно не запомнил его фамилию, но точно помнил, что зовут его старомодным именем Матвей, оказался чертовски обаятельным парнем, и улыбка у него была шикарная, и прищур, и даже – вот незадача! – ямочки на щеках. Пожалуй, этот третий – самый опасный, потому что использует тот же арсенал обольщения, что и он сам, а это плохо, черт побери!

Изучая потенциальных соперников, Гальяно так увлекся, что не сразу сообразил, что жизнь не стоит на месте. Пацаны похватали брошенные прямо на землю сумки, нестройной командой побрели вслед за Суворовым и Мэрилин. Шустрее всех оказался толстяк с двойным подбородком и свекольными щеками. Он резво трусил рядом с Мэрилин и даже смел задавать ей какие-то вопросы. Еще один соперник?..

Гальяно возмущенно мотнул головой, закинул на плечо дорожную сумку и, ловко лавируя в толпе, уже через пару секунд поравнялся с красавицей.

– ...А питание пятиразовое? – бубнил толстяк, откусывая от шоколадного батончика.

– Конечно, Степочка, пятиразовое! – Мэрилин называла толстяка Степочкой и смотрела ласково, как на родного. – И на случай, если ты проголодаешься, всегда можно заглянуть на кухню. Я тебе потом покажу, где у нас что.

– Да ты полгода можешь жить на подкожном жире! – Гальяно ввинтился между Мэрилин и толстяком. – Степочка,

зачем тебе пятиразовое питание?

– А не твое дело, прыщавый.

Толстяк посмотрел на него сверху вниз, совершенно беззлобно, как на надоедливое насекомое, сунул в пасть остатки батончика, а Гальяно с ужасом понял, что заливается краской. Эта неповоротливая стокилограммовая туша умудрилась ударить его по самому больному. Да, Гальяно был чертовски хорош, чертовски умен и чертовски обаятелен, но юношеские прыщи с некоторых пор путали ему все карты. Что он только с ними не делал! Как только не боролся! Но всякий раз проигрывал... А теперь вот прямо перед Мэрилин его опозорил самый ничтожный из людей, какой-то Степочка...

– Мальчики, не ссорьтесь! – Мэрилин улыбнулась, легонько коснулась плеча Гальяно. – Разве можно ссориться в такой отличный день?!

Вблизи она была еще прекраснее, а сходство с Мэрилин Монро еще невероятнее. Гальяно перестал дышать, всего на мгновение накрыл вмиг вспотевшей ладонью ее ускользающие пальчики, сказал срывающимся на фальцет голосом:

– Миледи, вы прекрасны!

– Миледи? – Мэрилин иронично вскинула брови, посмотрела на него с интересом. – И кто это у нас такой романтичный?

– Позвольте представиться – Гальяно! – Он прижал ладонь к сердцу, поклонился.

– Гальяно? – Мэрилин продолжала улыбаться. – Это тот, который Джон?

– Нет, это тот, который Василий, – бесцеремонно вмешался в их диалог Суворов, конкурент номер один. – Эй, архаровец, ты ж по паспорту, чай, Василий? – Он посмотрел на Гальяно поверх белокурой головки Мэрилин. – Или у тебя еще нет паспорта? Что-то я запамятовал.

– У меня есть паспорт! Мало того, через месяц мне исполнится семнадцать, – сказал Гальяно со сдержанным достоинством. Конкурент номер один немедленно был переименован во врага номер один.

– Да ты что? – удивился враг номер один и по-хозяйски обнял Мэрилин за талию. – А с виду больше тринадцати и не дашь.

– Так у вас, видно, не только память плохая, но и зрение. – Гальяно в раздражении мотнул головой. – Оно и не удивительно! В ваши-то преклонные годы!

Врагу номер один было под тридцать. Старик, самый настоящий старик. Прекрасной Мэрилин нужен мужчина покрепче и помоложе. Такой, как он – Гальяно!

Странное дело, но враг номер один даже не обиделся, вместо этого он расхохотался громким издевательским смехом.

– Слышала, Ленок, меня уже в старики записали! Вот какая нынче пошла молодая поросль – дерзкая и самоуверенная. Это ничего. – Он вдруг перестал смеяться, посмотрел на Гальяно в упор. – Тебе, Василий, еще не раз придется проде-

монстрировать свою крутость и доблесть. Это я тебе гарантирую.

Гальяно, не привыкший к тому, что последнее слово остается за кем-то другим, уже собрался сказать что-нибудь особенно дерзкое и язвительное, но в это самое время двери особняка приветственно распахнулись, а на крыльцо выкатилась невысокая, невероятно тучная женщина в белом халате.

– Приехали, оглоеды! – сказала она зычным, никак не вяжущимся с ее округлыми формами басом. – А ты, Ленка, говорила, что рано обед готовить! Чем бы я сейчас эту ораву кормила, если бы тебя послушала?!

– Софья Ивановна! – Загорелых щек Мэрилин коснулся легкий румянец. – Потихе, прошу вас! И не Ленка, а Елена Викторовна, – добавила она почти шепотом.

– Ить от горшка два вершка, а уже Викторовна! – буркнула тетка, к которой Гальяно сразу же испытал приступ антипатии, но голос все же понизила. – Обед мы сготовили. Горячее все. – Она командирским взглядом обвела замерших у подножья лестницы пацанов, а потом добавила: – Это ж половина только приехала.

– Второй отряд будет ближе к вечеру, автобус уже отправили, – сообщил Суворов.

– И тоже небось одни мальчишки! – Тетка покачала головой. – Снова как в прошлом году!

– Спортивно-патриотический лагерь! – сказал Суворов со

значением. – Тут программа и нагрузки. Какие девушки?

– Да что ж вы нас на пороге держите?! – возмутилась Мэрилин и в возмущении даже притопнула ножкой. – Дети устали с дороги!

Дети! Гальяно обиженно поморщился. Какие ж они дети, когда им скоро по семнадцать лет!

– А и то правда – дети голодные! – Тетка попятилась к двери, не пойми кому замахала рукой, а потом велела: – Так пускай хоть сумки свои побросают и приходят в столовую. А я пока распоряжусь, чтобы Лидка на столы накрыла. Начальнику-то сообщить? – спросила она почти шепотом.

– Сама сообщу! – Мэрилин раздраженно дернула плечом, протиснулась мимо поварихи в дверь.

Гальяно шагнул следом. Сердце вдруг снова забилось в два раза чаще, на лбу выступил холодный пот. Чтобы переступить порог этого дома, ему пришлось сделать над собой усилие. Даже странно...

Матвей

Им досталась комната в левом флигеле, не большая, не маленькая, вполне достаточная, чтобы в ней свободно разместились четыре кровати с прикроватными тумбочками, шкаф, письменный стол и два стула. Матвей швырнул рюкзак на одну из коек, обвел изучающим взглядом своих соседей.

На койку слева от распахнутого окна присел высокий светловолосый парень. За всю дорогу от города до лагеря он едва ли произнес несколько слов, зато у второго соседа, долговязого, прыщавого и патлатого, рот не закрывался ни на минуту.

– А ничего так! – Патлатый по пояс высунулся в окно, обозрел окрестности. – Вид вполне себе! Природа! – добавил он и воздел глаза к небу.

Насчет вида из окна Матвей был с ним полностью согласен. За флигелем, насколько хватало взгляда, расстился парк, а ветки старой липы едва не касались подоконника. И в самом деле, красота. Вполне возможно, что родители зря волновались, и в этом богом забытом медвежьем углу Матвею будет очень даже неплохо. Надо написать им письмо, успокоить.

Отец Матвея, инженер-строитель, получил назначение в Ливию всего пару месяцев назад. Назначение это стало для

семьи полной неожиданностью. Если младшую сестру еще можно было взять с собой, то срывать Матвея, которому предстоял последний год обучения в гимназии, казалось нецелесообразным. На семейном совете решили, что в Ливию вместе с отцом поедут мама и сестра, а Матвей год до поступления в институт поживет у тети. Тетя была готова приютить его сразу же, но на том же семейном совете постановили, что лето Матвей проведет вот в этом элитном лагере. Конечно, предварительно родители поинтересовались мнением сына. Матвей не возражал. Больше того, он был рад уехать из душного города в деревенскую глушь. В его жизни начался период, который отец с усмешкой называл лирическим. Пережитая в начале года первая и, как это часто бывает, несчастная любовь до сих пор нет-нет да и давала о себе знать неприятным сосущим чувством под ложечкой. Даже странно: любовь, кажется, уже прошла, а вот это мерзкое чувство осталось.

– Как-то скромненько для элитного заведения. – Краснощекий толстяк в непомерно широких джинсах со вздохом опустился на единственную свободную кровать. Пружины тут же угрожающе закрипели под его весом.

– Так это ж спортивный лагерь, а не институт благородных девиц, – хмыкнул патлатый и тут же с мечтательной улыбкой добавил: – Хотя от благородных девиц я бы не отказался.

– Так вроде есть одна девица. – Толстяк достал из рюкзака завернутый в фольгу сверток, развернул, положил на стол,

сказал: – Угощайтесь!

По комнате тут же поплыл аромат жареной курицы. У Матвея заурчало в животе.

– Обед же через пять минут, – буркнул патлатый, но воспользоваться щедрым предложением не преминул. – Тебя как, кстати, зовут?

– Степан Тучников, – пробубнил толстяк с набитым ртом, – но друзья зовут меня Тучей.

– Туча, значит. – Патлатый окинул его критическим взглядом, а потом кивнул. – Тебе подходит. А меня можете называть Гальяно. Это тоже для друзей. – Он перевел вопросительный взгляд на молчавшего все это время блондина.

– Дэн Киреев, – отрекомендовался тот.

– А для друзей? – вскинул брови Гальяно.

– У меня нет друзей. – Блондин встал и, не говоря больше ни слова, вышел из комнаты.

– Сложный случай! – прокомментировал Гальяно и всем корпусом развернулся к Матвею.

– Матвей Плахов. Для друзей просто Матвей.

– Давай к столу, просто Матвей! Туча угощает! – Гальяно махнул рукой, словно это не Туча угощал честную компанию, а он сам.

Матвей уже шагнул к столу, когда дверь приоткрылась и в образовавшуюся щель просунулась рыжая лохматая голова.

– Чего расселись? – Пацаненку было лет девять, но вел он себя не по возрасту нагло, зыркал хитрыми глазами по углам

комнаты, морщил конопатый нос.

– А ты что за явление природы? – спросил Гальяно, вгрызаясь в куриное крылышко.

– Я не явление природы, я Василий! – обиделся пацаненок. – Я здесь все знаю, – добавил со значением.

– Василий? Тезка, значит. – Гальяно вытер жирные руки о край расстеленной на столе газеты, спросил заговорщицки шепотом: – А скажи-ка нам, Василий, где в этой глуши можно купить сигареты?

– В деревне, – пацаненок хитро сощурился, – только вас туда одних все равно не пустят.

– А кого пустят?

– Меня! Я где хочу, там и хожу. Десять процентов сверху – и сигареты у тебя в кармане!

– Ты смотри, какая молодежь предприимчивая пошла! – восхитился Гальяно.

Матвей согласно кивнул. Сам он на заре «лирического периода» увлекся сигаретами, не так чтобы очень серьезно, но с охотки мог выкурить одну или две, поэтому поднятый Гальяно вопрос показался ему актуальным.

– Ну так то ж дело хозяйское! – парнишка развел руками. – Не хотите, не надо! Я тогда вам и ключ от калитки в аренду не сдам, и дорогу на речку не покажу.

– Ну, допустим, дорогу к реке мы и сами как-нибудь найдем, – усмехнулся Матвей, – а вот про калитку и сигареты интересно.

– На воротах у нас охрана, никого без разрешения начальника за территорию не выпускают, – принялся объяснять Василий. – Наверное, с охраной тоже можно договориться, но со мной сотрудничать всяко выгоднее.

– Это почему? – спросил Туча, аккуратно заворачивая в фольгу недоеденную курицу.

– Потому что охранникам нужно платить каждый раз, а у меня абонемент. В заборе есть одна калиточка... – Василий перешел на шепот. – Она в парке, в таком месте, где никто не сторожит. Так вот за ключ от этой калиточки я хочу тысячу рублей.

– С каждого?! – возмутился Гальяно.

– Со всех! Я же не барыга какой! Вы подумайте, у вас еще много времени, чтобы подумать. Я тут на территории живу, как надумаетесь, найдете.

Ответить они ничего не успели, из коридора послышался женский голос:

– Васька, паразит! Ты куда подевался? Велено ж было на обед людей звать!

– Мамка моя! – всполошился Василий и тут же добавил: – Чего расселись?! Есть идите! Не слыхали, что ли?

– Лихо! – только и смог сказать Матвей, когда за парнишкой захлопнулась дверь.

– Что-то мне не нравятся эти заборы и охранники, – проворчал Гальяно. – Еще б автоматчиков на вышки – и будет настоящая зона.

– А что ты думал? – вдруг неожиданно серьезно спросил Туча. – Зона и есть. Только элитная, – добавил с мрачной улыбкой.

Дэн

В лагере Дэну не понравилось с первой минуты, стоило только выйти из автобуса, стоило только увидеть высокий трехметровый забор и отремонтированный особняк. Было во всем этом что-то неправильное и тревожное, словно они оказались не в лагере, а в замаскированной под элитный лагерь тюрьме. Если бы Дэн не дал слово родителям... Но мужчина всегда держит слово, на то он и мужчина.

В соседи ему достались трое. По крайней мере одного из них, тощего, прыщавого пацана с не в меру длинными волосами и таким же не в меру длинным языком, Денис уже не любил. Остальные пока ничем особенным себя не проявили, и в своем отношении к ним Дэн еще не определился. По большому счету, единственное, что его волновало, это возможность оставаться самому по себе и не принимать участия ни в каких командных играх. Наверное, в спортивно-патриотическом лагере с совершенно неспортивным и непатриотическим названием «Волки и веппи» это будет непросто.

До обеда еще оставалось пара минут, и Дэн решил осмотреть территорию. Флигель представлял собой небольшое одноэтажное здание, состоящее из шести одинаковых комнат и длинного коридора. В начале коридора, ближе к выходу, имелась еще одна комната. Сквозь щель в неплотно прикрытой двери Дэн увидел Суворова. Значит, без присмотра их

ночью не оставят. В дальнем конце коридора был туалет и душевая. Дэн заглянул туда лишь мельком и уже через минуту оказался на крыльце.

С крыльца хорошо просматривался и главный корпус, и еще один флигель, отведенный, по всей вероятности, для второго, еще не прибывшего отряда. Пока Дэн осматривался, мимо него прошмыгнул невысокий рыжий паренек. По возрасту он не годился в воспитанники лагеря и, скорее всего, был сыном кого-то из персонала.

Дэн спрыгнул с крыльца, сорвал и сунул в рот травинку, сделал несколько шагов по ведущей к главному корпусу дорожке. Он успел дойти до центрального корпуса и уже собирался обойти особняк с обратной стороны, когда услышал рев мотора. На асфальтированную площадку перед домом въехал «Мерседес» с тонированными стеклами. Водительская дверца распахнулась, и из автомобиля вышел средних лет мужчина с уже наметившейся лысиной. Он обвел особняк и пристройки изучающим взглядом, а потом помог выбраться из машины изящной блондинке.

Женщина была красивой и холеной, держала спину прямо, на окружающий мир смотрела со смесью удивления и легкой брезгливости. Несколько секунд они о чем-то переговаривались, а потом мужчина коротко кивнул и распахнул заднюю дверцу. Наверное, тот, кто сидел внутри, не слишком стремился наружу, потому что прошло достаточно много времени, прежде чем потерявший терпение мужчина за-

глянул в салон и сказал что-то резкое. Блондинка слегка поморщилась, и во взгляде ее прибавилось брезгливости. Дэн, которого помимо воли заинтересовала происходящая у машины пантомима, прислонился плечом к гипсовой колонне. Любопытно, кто же там такой строптивый?

Долго ждать не пришлось. Мужчина отступил на шаг, и из машины показалась сначала одна обутая в грязную кроссовку нога, затем другая. Ноги были худые, с расцарапанными коленками. Вслед за ногами появился край ярко-розового платья, а потом и сама обладательница расцарапанных коленок.

Она оказалась странной. «Странная» – самый подходящий эпитет для девчонки, одетой в тонкий сарафан и грубые кроссовки, сжимающей в одной руке какую-то книгу, а в другой – небольшой рюкзак. У нее было лицо, которое невозможно запомнить с первого раза. Возможно, из-за длинной косой челки, занавешивающей один глаз и спадающей до самого подбородка. Второй глаз, ярко-синий, густо обведенный черным, смотрел на мир с настороженным равнодушием. Дэну, который оказался частью мира, тоже достался порывыстылый взгляд. Остроту этого взгляда не смогло приглушить даже разделяющее их расстояние. Девчонка смотрела на Дениса недолго, доли секунды хватило, чтобы по спине поползли мурашки. Дэн сразу, в то же самое мгновение, понял, что у нее есть свой собственный персональный демон, и демон этот не расслабляется ни на секунду...

– Детка, подожди нас с папой. Мы скоро.

Блондинка, которая оказалась матерью этого нескладного, злобного существа, попыталась погладить девчонку по голове. Но та дернула плечом, отступила на шаг, прямо по земле волоча за собой рюкзак. Блондинка не расстроилась и не удивилась, наверное, привыкла. Она лишь пожала плечами и многозначительно посмотрела на своего спутника. Тот хотел было что-то сказать, а потом досадливо махнул рукой, направился прямо к Дэну:

– Эй, парень, не подскажешь, где тут у вас начальник лагеря?

Дэн не знал, поэтому в ответ лишь отрицательно мотнул головой.

– Детка, мы с папой надеемся, ты не наделаешь глупостей? – Женщина разговаривала со своей дочкой, как с умственно отсталой. Она смотрела на девчонку, а та уставилась на кружащих высоко в небе ворон. В этот момент сама девчонка была похожа на ворону, нелепую ворону, обряженную в дурацкий розовый сарафан.

– Думаю, стоит начать отсюда. – Мужчина распахнул перед блондинкой дверь. Женщина благодарно улыбнулась в ответ. – Административная часть, скорее всего, где-то на первом этаже, потому что... – договорить он не успел.

– Рита! Ритка!!! – послышался громкий женский голос. – А мы вас только к завтрашнему утру ждали!

От флигеля к ним торопливо шла крупная рыжеволосая

тетка. Ее круглое лицо расплылось в радостной и одновременно настороженной улыбке.

– Здравствуй, Лида! – Блондинка тоже улыбнулась, уголки аккуратно накрашенного рта дрогнули и словно нехотя поползли вверх. – Да вот никак у нас не получается завтра. Билеты на самолет уже на руках, вылет сегодня вечером. – Она говорила, а ее накрашенные бледно-розовым лаком ногти впивались в руку мужчины с такой силой, что тот поморщился.

– Добрый день, – процедил он с плохо скрываемой досадой. – Вы очень кстати.

– Здравствуйте, Игорь Дмитриевич! – Тетка рассеянно провела рукой по повязанным косынкой волосам, улыбнулась на сей раз совсем уж робко. Она так и стояла, не дойдя до них несколько метров, смотрела на мужчину во все глаза и улыбалась.

– Лида, а мы вот... привезли нашу девочку, – нарушила неловкое молчание блондинка и кивнула на безучастно стоящую в центре одуванчикового газона девчонку. – Детка, скажи тете Лиде «здравствуйте», – добавила она строго.

Деточка, которой по виду было не меньше пятнадцати, но к которой родная мать обращалась как к пятилетней, ничего не ответила, развернулась к родителям и тете Лиде спиной. Бретелька розового сарафана сползла, обнажая плечо и острую, как крыло ласточки, лопатку.

– Видишь, Лидочка, какой у нас сложный случай? – Блон-

динка досадливо покачала головой. – Справитесь?

– Так а чего же не справимся? – Тетка бросила быстрый взгляд на Дэна, сказала строго: – А ты что это тут стоишь? В столовку иди! Обед уже стынет.

Дэн понятия не имел, где тут у них столовая, но согласно кивнул. Быть свидетелем чужих и, по всей вероятности, не слишком приятных разговоров ему не хотелось.

– Столовка по коридору и направо! – проинструктировала тетка и, взмахнув не слишком чистым кухонным полотенцем, указала направление.

Прежде чем захлопнуть за собой дверь, Дэн бросил еще один взгляд в сторону девчонки. Она сидела по-турецки прямо посреди газона, перед ней лежала раскрытая книга. Сложный случай, что правда, то правда...

Туча

Родители развелись в марте. Для Степки известие о разводе не стало неожиданностью. Вот уже несколько лет он ждал и боялся, что случится что-то подобное. Дождался...

Мама ушла в январе, сразу после Нового года. Степка в мельчайших подробностях помнил день, который стал началом конца. Он уже лежал в кровати, и под подушкой у него имелась упаковка шоколадного печенья. Он не был уверен, что съест печенье этой ночью, но тот факт, что оно есть, грел душу. Мама вошла в комнату в тот самый момент, когда Степка размышлял над тем, что скажут родители, если узнают, что за последние два месяца его вес увеличился еще на пять килограммов.

Мама, наверное, расстроится. Она никогда не говорила об этом вслух, но Степка знал – она, хрупкая и изящная, очень известная и очень популярная, стесняется появляться на публике в его обществе. Ни в одном интервью, а Степка прочел все, что сумел найти, она ни единым словом не обмолвилась о том, что у нее есть сын. И не потому, что само его существование указывало на ее далеко не девичий возраст, а потому, что стеснялась его неуклюжести и невероятной тучности. Сто один килограмм в неполных шестнадцать...

А отец разозлится. Его злило все, что было связано со

Степкой. И тучность, и неуклюжесть, и бесхребетность. Особенно бесхребетность...

– Доброй ночи, сынок. – Мама присела на край его кровати, посмотрела внимательно и, как показалось Степке, виновато.

– Здравствуй, мам! – Ему хотелось, чтобы она поцеловала его в щеку или, на худой конец, погладила по волосам, а она просто смотрела. – Что-то случилось, мам?

В желудке вдруг заняло.

– Нет, все в порядке, я просто зашла, чтобы... – Мама не договорила, достала из кармана шелкового халата бумажный пакет, положила на прикроватную тумбочку. – Ты уже такой большой, Степа.

Да, он большой. И с каждым месяцем его становится все больше.

– Меня не было с тобой в этот Новый год.

Да, ее не было с ним в этот Новый год. И в прошлый, и в позапрошлый. Он почти привык.

– Все нормально, мам.

– Это тебе, – она кивнула на пакет. – Подарок.

– Спасибо, мам!

У него тоже был для нее подарок. Резная деревянная рамка для фотографий, которую он сделал своими собственными руками. Но, чтобы достать ее с полки, нужно было выбраться из-под одеяла, а у него столько лишних килограммов. Маме будет неприятно. Лучше завтра или сегодня но-

чью. Можно пробраться в мамину спальню и оставить рамку на тумбочке, чтобы мама увидела ее утром.

– Мне нужно уехать, сынок. – Вместо того чтобы погладить его, мама погладила край его одеяла.

– Да, я понимаю.

Она часто уезжала. Вся ее жизнь состояла из концертов и гастролей. Его мама была звездой!

– Насовсем, – сказала она и еще раз погладила его одеяло. – Я должна уехать насовсем. Мы с твоим папой больше не можем жить вместе.

Степка хотел спросить – а как же он? Но мама предвосхитила вопрос:

– Ты останешься с отцом. У меня же гастроли... Так будет лучше для всех.

Степка не знал, кто эти «все», которым станет лучше, когда мама уедет насовсем, но сосущее чувство в желудке вдруг стало нестерпимым.

– Будь хорошим мальчиком, Степа! – Мама встала, подумала о чем-то, а потом сказала: – Да, с папой тебе будет лучше.

За мамой уже давно захлопнулась дверь, а он все сидел, глядя прямо перед собой. Ему нужно было подумать, понять, как жить дальше. Про прощальный подарок мамы он вспомнил только спустя двадцать минут, дрожащими от волнения руками вскрыл пакет, а потом очень долго рассматривал его содержимое...

Когда Степка раздирал упаковку из-под шоколадного печенья, руки больше не дрожали, что-то не то было с его глазами. Глаза щипало, и окружающие предметы расплывались, теряли четкость. И боль в желудке не прошла, даже когда от печенья остались лишь рассыпанные по простыне колючие крошки. Степка еще раз посмотрел на мамин подарок, шмыгнул носом и засунул пакет под матрас.

– Не будь слизнем! – Это первое, что он услышал от отца следующим утром за завтраком. – Не смей раскисать только потому, что эта сучка от нас сбежала!

«Этой сучкой» он называл свою жену и маму Степки. Наверное, нужно было что-то сказать, заступиться, но Степка промолчал. Он старательно пережевывал кажущуюся безвкусной отбивную и смотрел на отца ничего не выражающим взглядом.

– Ничего, ничего, сын! – Было непонятно, кого тот утешает: себя или Степку. – Мы же с тобой мужики! Теперь у нас с тобой все пойдет по-другому! Я из тебя сделаю человека, можешь не сомневаться!

Отец не обманул, он никогда не бросал слов на ветер. Он принялся делать из Степки человека в тот самый день. Инструктор по фитнесу, личный диетолог, пробежки по утрам, заплывы в бассейне по вечерам, прыжки со скакалкой, отжимания. Все это Степка ненавидел лютой ненавистью, от упражнений, забегов и заплывов уклонялся, как умел, здоровую пищу заедал шоколадным печеньем и купленными в

ближайшем «Макдоналдсе» хот-догами. За два месяца его вес увеличился еще на три килограмма, а отец почти потерял надежду на то, что из бесхребетного сына можно сделать настоящего мужика. В марте Степку оставили, наконец, в покое, а в конце мая отец вдруг позвал его в свой кабинет.

– Вот! – Он положил перед Степкой какую-то бумажку.

– Что это? – Брать бумажку в руки Степа не спешил.

– Это твой пропуск в мужской клуб, путевка в спортивно-патриотический лагерь. Ты поедешь туда на все лето. Возражения? – Отец посмотрел на него поверх очков.

У Степки не было возражений. Спортивно-патриотический лагерь не изменит в его тусклой жизни ровным счетом ничего.

– Тогда готовься! Я надеюсь, после возвращения твоя талия станет как минимум на двадцать сантиметров меньше.

Вот такое отеческое напутствие.

Уже в дороге, сидя в пахнущем бензином автобусе и разглядывая пролетающие за окном пейзажи, Степка вдруг подумал, что, возможно, лагерь – это не зло, а новый этап. Надо только постараться быть дружелюбным с теми, с кем сведет его судьба.

Судьба свела его с тремя ребятами. Первый из которых, длинноволосый, прыщавый и не в меру самоуверенный, Степке сразу же не понравился. Прыщавый был немногим симпатичнее его самого, но вел себя, как хозяин жизни, и представился не банальным «Вася», а пижонским прозви-

щем «Гальяно». Прозвище Степке не понравилось, зато понравилась идея. Можно и самому назваться как-то по-особенному.

– Друзья называют меня Тучей.

Он соврал дважды. У него никогда не было друзей, а те, кто снисходил до общения с ним, называли его в лучшем случае Жиртрестом. Наверное, и здесь, в компании этих поджарых, удачливых и довольных жизнью ребят, этот номер не пройдет.

Удивительно, но к его на ходу придуманному прозвищу отнеслись как к должному. А Гальяно, который уже не казался Степке-Туче таким уж противным, даже сказал, что прозвище ему подходит. Спортивного вида блондин, который назвался Дэном и сразу заявил, что не нуждается в друзьях, отнесся к Степке равнодушно, но не враждебно, а третий из их компании, Матвей Плахов, даже ободряюще улыбнулся, и где-то глубоко в Степкиной душе родилась надежда, что все у него будет хорошо.

Гальяно

Столовка располагалась в главном здании, куда они шли по дорожке, мимо припаркованного у входа черного «мерса», мимо сидящего посреди газона пугала.

У пугала были острые плечи, черные волосы, разбитые коленки. Пугало нарядилось в розовый сарафан и сидело по-турецки. В руках оно держало какой-то талмуд и не обращало на происходящее вокруг никакого внимания.

– Это еще что за чудо? – Гальяно даже замедлил шаг, чтобы рассмотреть сидящую на земле девчонку.

– А говорили, что лагерь только для мужиков, – пробубнил Туча.

– Может, из местных? – предположил Матвей.

– Господи! – Гальяно воздел очи к небу. – Если все местные такие страшные, то мы тут загнемся от тоски.

Вообще-то загибаться от тоски он не собирался, в памяти были свежи воспоминания о Мэрилин, но можно ведь немного поворчать.

– Эй, красавица! Ты чья будешь? – во все горло заорал он, обращаясь к девчонке.

Ответом ему стала тишина. Девчонка даже голову не подняла от своей книжки.

– Странная какая-то, – снова пробубнил Туча и потрусил к крыльцу.

– Да не трогай ты ее. – Матвей похлопал Гальяно по плечу и направился вслед за Тучей.

– Может, слабоумная? – предположил Гальяно, пожимая плечами.

Он уже собирался уходить, когда девчонка зыркнула в его сторону. Между лопатками точно впилась стрела, таким острым был у нее взгляд. Да ну ее!

В столовую он вошел в числе самых последних, плюхнулся на пустующее место между Матвеем и Тучей, огляделся. В столовой, просторной комнате с высоким лепным потолком, столы стояли в два ряда. Пять с одной, пять с другой стороны. Первый ряд уже был занят пацанами из их отряда, а второй пока пустовал. За их столиком сидело четверо. Белобрысый красавчик, похоже, опередил их всех, потому что его тарелка была уже наполовину пуста. У окна чуть особнячком располагался стол для сотрудников лагеря. За ним сейчас сидели Мэрилин и Суворов. Сердце Гальяно сжалось от ревности.

Они уже взялись за вилки, когда в столовую вошел одетый в элегантный льняной костюм дядечка. Дядечка был из породы интеллигентов, носил аккуратную бородку и очки в тонкой оправе. Он улыбался приветливой и никому конкретно не адресованной улыбкой.

Дядечка остановился аккурат напротив их стола, подождал немного, пока утихнет гомон, а потом заговорил негромко, но как-то по-особенному проникновенно:

– Дорогие друзья! Мы рады приветствовать вас в нашем лагере!

– Начальник, – буркнул Туча. – Сто пудов – начальник.

– Меня зовут Антон Венедиктович Шаповалов, и я начальник этого лагеря. Лагеря, в котором ни один из вас не будет скучать, где каждый найдет занятие по душе. – Начальник откашлялся, обвел присутствующих изучающим взглядом, продолжил: – Вы здесь пока еще не в полном составе. К вечеру должны приехать ребята из второго отряда, но у вас есть существенное преимущество – вы первыми узнаете правила игры.

– Что еще за игры такие? – Гальяно посмотрел на Матвея. Тот в ответ лишь пожал плечами.

– Жизнь без соревнования пресна и неинтересна! – Начальник поднял вверх указательный палец. – Ничто так не стимулирует личные достижения, как победы противника.

При этих словах на равнодушном лице Дэна Киреева мелькнула и тут же исчезла тень неодобрения. Заметивший это Гальяно удивленно приподнял брови.

– Лбами сталкивать будут, – буркнул Туча, засовывая в рот кусок котлеты. – В «Зарницу» будем играть.

– Похоже на то. – Матвей согласно кивнул.

– Именно по этой причине вас разделили на два отряда. Отряд волков и отряд вепрей, – продолжил начальник.

– Боже, какой кошмар! – Гальяно страдальчески поморщился. – Волки и вепри! Мама дорогая...

– Интересно, а мы в каком отряде? – Туча подался вперед.

– Ты в отряде бегемотов, – фыркнул Гальяно, но под тяжелым взглядом Киреева осекся.

– А ты в отряде бабуинов, – огрызнулся Туча и сунул в рот оставшийся кусок котлеты.

– Право называться волками вы можете заслужить! – Начальник бросил быстрый взгляд на их столик. – Сегодня вы отдыхаете, набираетесь сил, а завтра вас ждет первое испытание. И не спрашивайте, что это будет! – Он улыбнулся, глаза за стеклами очков хитро блеснули. – Узнаете утром.

Начальник несколько секунд помолчал, дожидаясь, когда воспитанники усвоят полученную информацию, а потом добавил:

– Ребята, чтобы в будущем у нас с вами не возникало недопониманий, хочу сразу предупредить. Разумеется, у вас будет некоторая степень свободы, но лишь в пределах лагеря. Выходить за ворота вы сможете только по специальным пропускам или в сопровождении взрослых. Дисциплина – вот залог нашего с вами успешного сотрудничества. Дисциплина и взаимное уважение.

– Ага, а еще долбаная конкуренция и командный дух, – проворчал Гальяно себе под нос. Прошло всего каких-то несколько часов, а суперэлитный и суперклевый лагерь больше не казался ему таким уж привлекательным местом. Волки и вепри – с ума сойти!

Начальник еще что-то говорил, но Гальяно его не слу-

шал, краем глаза наблюдал, как милуются Суворов и Мэрилин. Суворов поглаживал Мэрилин по тонким пальчикам, шептал что-то на ушко, а она кивала и улыбалась. Пожалуй, остальных конкурентов можно не принимать в расчет, но вот этот самовлюбленный павлин еще доставит хлопот. Гальяно расстроено покачал головой, посмотрел в окно.

Снаружи происходило кое-что интересное. Девчонка в розовом сарафане по-прежнему сидела посреди газона, но на сей раз ее окружали сразу четверо взрослых. Рыжую тетку в белом халате Гальяно уже видел, это она звала их на обед. Крупный мужик в синем рабочем комбинезоне, скорее всего, тоже работал в лагере, а вот двое других казались неместными и, если судить по крутому «мерсу», весьма небедными. Лысый представительный мужик что-то говорил рабочему, тот согласно кивал в ответ, то и дело бросая озадаченные взгляды на девчонку. Стройная блондинка с осиной талией нервно гарцевала рядом с лысым. Гальяно не мог видеть ее лица, но чувствовал, что блондинка очень взволнована. Она тоже что-то говорила, только не рабочему, а девчонке. Или не говорила, а уговаривала? Да, скорее всего, уговаривала, причем, если судить по мрачному лицу лысого, без особого успеха. Рядом в нескольких метрах вертелся рыжий пацаненок, тот самый, который предлагал им сигареты и ключ от калитки. Гальяно решил, что тетка в халате и дядька в комбинезоне его родители.

– Чего сидишь? Остынет все! – Туча ткнул Гальяно в бок.

– Кто про что, а вшивый про баню! – Гальяно многозначительно посмотрел на опустевшую тарелку Тучи.

– Сам ты вшивый, – проворчал Туча и потянулся за стаканом с компотом. – Просто невкусно потом будет.

– А и ладно! У тебя ж еще курица осталась. Ее ж доесть нужно, чтобы добро не пропало. Поделишься с товарищем?

Туча посмотрел на него долгим взглядом, а потом улыбнулся и кивнул. Странноватый, конечно, перец, но, в общем-то, неплохой. По крайней мере не жадный. И до Мэрилин ему никакого дела нет...

А происходящие во дворе события тем временем перешли в новую фазу. Лысому удалось-таки поднять девчонку с земли. Она вырывалась, бестолково дергала тонкими ручками, дрыгала ногами и от всего этого была похожа на ожившую марионетку. Надо сказать, кукловод не особо церемонился. Когда девчонка попыталась его лягнуть, с силой отвесил ей оплеуху. Наверное, это было больно, потому что девчонка перестала вырываться, прижала ладонь к лицу. Тетенька в халате испуганно всплеснула руками, обхватила девчонку за плечи, точно защищая. Блондинка покачала головой, сказала что-то сначала лысому, потом тетеньке. Мужик в комбинезоне стоял с мрачным лицом, засунув руки глубоко в карманы. Рыжий пацаненок куда-то исчез.

Гальяно перевел дыхание, отвернулся от окна. Оказалось, что за происходящей во дворе пантомимой очень пристально наблюдает еще один человек. Дэн Киреев смотрел в ок-

но невидящим взглядом. Его брови сошлись на переносице, а кулаки он сжимал с такой силой, что побелели костяшки пальцев. Похоже, творящийся снаружи беспредел ему тоже не нравился. Заметив, что за ним наблюдают, Киреев отвернулся от окна и уставился в тарелку, но кулаки так и не разжал.

Гальяно гордился своей наблюдательностью и особым чувством к людям. В Кирееве странностей было больше чем достаточно. Даже улыбчивый и с виду простодушный Туча казался шкатулкой с двойным дном. Пожалуй, самым нормальным из их четверки, не считая самого Гальяно, был Матвей. Впрочем, любой человек имеет право на маленькую придурь, и если эта придурь не выходит за рамки, тогда все о'кей! А вот девчонок бить нельзя! Это уже не придурь, а скотство. Даже если девчонка похожа на огородное пугало и, вполне вероятно, немного не в себе.

Матвей

Автобус со вторым отрядом приехал ближе к вечеру. Матвей с ребятами к этому времени уже успел изучить территорию. Территория была большой, если не сказать огромной. Кто бы раньше ни жил в этом поместье, в средствах он явно не нуждался, потому что, помимо главного здания и двух флигелей, в усадьбе имелись еще хозпостройки и маленький гостевой домик, в котором жил Василий со своими родителями. Сзади к дому примыкал парк, старый, но ухоженный. В парке имелись скамейки, фонари и даже на удивление чистая беседка. От внешнего мира парк, как и весь лагерь, отделял высокий кирпичный забор. Забор этот прерывался лишь в двух местах: на въезде, где имелась будка охранника, и в глубине парка, где в самом укромном уголке обнаружилась запертая на висячий замок калитка. Сквозь прутья калитки была видна дорожка, убегающая в глубь окружающего поместье леса. Если судить по ширине, то пользовались дорожкой нечасто.

– Приплыли! – Гальяно подергал за калитку, попытался вскарабкаться вверх по прутьям, но едва не свалился. – Концлагерь какой-то! – сказал с досадой и, вытащив из кармана джинсов сигареты, закурил. – Будете? – Он кивнул на пачку.

– Спасибо, в другой раз. – Матвей тоже подергал калитку.

Не то чтобы ему так уж хотелось оказаться на той стороне, просто стало любопытно.

Дэн отказался от сигарет, молча мотнув головой. Он вообще был самым неразговорчивым из них, и ни разу за день знакомства Матвей не видел, чтобы Дэн улыбался.

– А я, пожалуй, закурю! – Туча потянулся за сигаретой, рука его заметно подрагивала.

– Уверен? – спросил Гальяно, но зажигалкой все-таки щелкнул.

– Угу, – пробормотал Туча, прикуривая.

Он закашлялся в тот самый момент, когда погасла зажигалка, а его вечно румяное лицо вдруг нездорово посинело.

– Вот дурак, – прокомментировал ситуацию Дэн. – Зачем тебе?

– Не умеешь – не берись! – Гальяно выхватил у Тучи сигарету, аккуратно загасил о стену, сунул обратно в пачку. – Потом докурю. Неизвестно еще, как здесь все сложится.

– Тебе же сказали, за десять процентов комиссионных все добудут, – усмехнулся Матвей, хлопая по спине не прекращающего кашлять Тучу.

– А для постоянных клиентов у меня еще и скидки имеются, – раздалось вдруг совсем рядом, и из-за куста шиповника высунулась рыжая голова Василия.

– Шпионишь, малый? – пригрозил ему пальцем Гальяно.

– Не шпионю, а держу ситуацию под контролем. – Пацаненок выбрался из кустов и теперь косил на них хитрым гла-

зом.

– Контролер выискался! – Гальяно глубоко, по-взрослому, затаился.

Переставший, наконец, кашлять Туча посмотрел на него со смесью зависти и восхищения.

– Ну и как, есть за этим забором что-нибудь достойное нашего внимания? – поинтересовался Матвей.

– Стольник – и калитка откроется! – Пацаненок выудил из кармана штанов ключ, помахал им у Матвея под носом.

– А не слишком ли жирно? – недобро сощурился Гальяно. – Это теперь ты каждый раз с нас по столнику будешь драть, чтобы калитку открыть?

– Стольник – это не за калитку, это за экскурсию, – сказал Василий. – А за ключик – тысяча! Я ж говорил.

– А ты, тезка, как я посмотрю, барыга! – Гальяно загасил сигарету, спросил с угрозой: – А если мы ключик у тебя просто так заберем, без денег?

– Оно-то можно. – Мальчишка, похоже, нисколько не испугался. – Только у бати моего этих замков знаешь сколько? Ему замок поменять – раз плюнуть.

– Давай пока начнем с экскурсии, а там уже разберемся. – Дэн сунул парнишке сотню.

– Вот это серьезный разговор! Вот это я понимаю! – Василий деловито загремел замком. – Прошу! – Он распахнул калитку.

С той стороны, на воле, оказалось красиво. То есть в са-

мом лагере тоже было неплохо, но здесь, в напоенном ароматом нагретой солнцем смолы лесу, ощущалось какое-то особое приволье.

– С чего начнем? – спросил Василий.

– А что тут интересного? – Гальяно надвинул на лоб кепку.

– Речка есть. Тут недалеко.

– Класс! Голосую за речку! – Матвей поднял вверх руку.

Дэн посмотрел на безоблачное, уже чуть розовеющее у горизонта небо, кивнул.

– А нас не хватятся? – опасливо поинтересовался Туча.

– Два часа у вас точно есть, – успокоил его мальчишка. – Если что, скажете, что в парке гуляли. Кстати, деревня вон там! – Он мотнул головой в сторону бегущей параллельно забору дорожке. – Пойдете по ней, не заблудитесь. Только если вас вдруг поймают, я вас знать не знаю, – добавил строго.

– Да пойдем уже, экскурсовод! – сказал Гальяно и нетерпеливо потрусил по убегающей в лес тропинке.

Они прошли метров триста, и Василий остановился у развилки. Собственно говоря, развилкой это место можно было назвать с очень большой натяжкой, просто от одной тропинки ответвлялась другая, едва заметная.

– А там что? – спросил Дэн.

– А там Чудова гарь! – Мальчишка выпучил глаза и одновременно попытался нахмуриться. – Страшное место! Я вас

туда не поведу ни за какие деньги!

– Так уж и ни за какие? – усомнился Матвей.

– Ну, если только за очень большие, да и то только дорогу покажу.

– Дорогу мы и сами видим, – хмыкнул Гальяно. – Так что денежки можем сэкономить.

– А что за гарь такая? – спросил Туча и поежился.

– Страшное место! – Парнишка помотал рыжей головой. – Наши туда никогда не ходят.

– Так чем оно страшное-то? – Помимо воли Матвей заинтересовался этой еще не рассказанной историей.

– Там люди мрут, – сказал Василий очень серьезно. – А если не мрут, так пропадают с концами.

– Бермудский треугольник, – усмехнулся Гальяно, которого, по всему виду, гораздо больше интересовала речка, чем какая-то гарь.

– Че? – переспросил Василий.

– А ниче! Веди нас к пляжу! С гарью твоей потом разбираться будем.

– Откуда название такое странное? – спросил Матвей.

– Так там гарь и есть. Самая настоящая гарь. – Мальчишка пожал плечами. – Уже почти сто лет не растет на том месте ни травинки! Ну, пойдемте же! А то и в самом деле купаться будет некогда!

До речки добирались в молчании, даже болтливый Гальяно точно воды в рот набрал. Василий резво трусил по тро-

пинке, остальные гуськом шли следом. О приближении воды они узнали по запаху. Возле рек всегда пахнет по-особенному: сырым песком, осокой и еще чем-то неуловимым.

– Почти пришли! – Василий замер перед соскальзывающей с обрыва тропинкой. Тропинка извивалась между зарослями дикой малины, огибала торчащие из земли корни. – Вон там река! Только тут, смотрите, осторожно, не переломайте ноги! – Василий бросил на них снисходительный взгляд и с гиканьем помчался вниз.

Следом сорвался Гальяно, тоже с гиканьем. Дэн спускался молча. Туча опасливо косился по сторонам, по тропинке шел по-крабьи, боком. Матвей замыкал процессию.

Место, куда привел их Василий, оказалось по-особенному красивым и тихим. Здесь река умиряла свой стремительный бег и образовывала затон. Дальний берег был крутым и обрывистым, а на их стороне имелся даже небольшой песчаный пляж.

– Эх, красота! – во все горло проорал Гальяно, сбрасывая с себя одежду.

– Не ори ты так! – шикнул на него Туча, пальцами ног осторожно пробуя воду. – Прохладная, – сказал с сомнением и отступил на шаг.

– Разойдись, народ! – Не обращая внимания на брюзжание Тучи, Гальяно сиганул в реку. Веер брызг окатил их всех. Спаслись удалось только предусмотрительному и юркому Василию. – Уф, хорошо! – зафыркал Гальяно, выныри-

вая на поверхность.

– Вы только это... далеко не заплывайте, – предупредил Василий. – Тут глубоко очень, и ключи холодные бьют. Если от холода судорогой прихватит, можно и не выплыть.

– Уже были прецеденты? – спросил Матвей, стаскивая джинсы.

– Чего? – переспросил Василий.

– Тонул уже здесь кто-нибудь? – уточнил Дэн.

В отличие от Гальяно и Матвея, он раздеваться не спешил, в раздумьях стоял на берегу.

– Училка молодая утонула. Давно, правда, почти тринадцать лет назад. Как раз в самую темную ночь и утонула, – сказал Василий зловещим шепотом.

– Самая темная ночь? – Дэн удивленно приподнял брови. – Это еще что такое?

– Я плохо знаю. – Василий беззаботно пожал плечами. – Это Турист про самую темную ночь рассказывал. Когда наступает самая темная ночь, непременно кто-нибудь в округе умирает. Чаще девки молодые, но бывает, что и старые мужики.

– А в обычные ночи, значит, у вас тут никто не умирает? – усмехнулся Дэн.

– И в обычные умирают! – Мальчишка обиженно насутился. – Только в обычные ночи люди сами по себе мрут, а в самую темную ночь непременно перед смертью на Чудову гарь приходят.

– Зачем? – спросил Матвей.

– А никто не знает. Может, зовет их кто, а может, так чего.

– И что там, на этой вашей гари?

– Убивает их нечистая сила! – сообщил Василий зловещим шепотом.

– И училку? – спросил Дэн.

– И училку!

– Не сходится, сам же только что рассказывал, что училка в затоне утонула.

– В затоне! Да только перед тем она на Чудовой гари побывала!

– А откуда такая уверенность? – Стоявший в сторонке Туча подошел к ним, вытянул от любопытства шею.

– А на платье потом следы сажи нашли. И под ногтями тоже. Вот! Значит, она точно на гари была перед тем, как потопнуть.

– Так, может, и не сама потопла? – Туча поежился, с тревогой посмотрел на плещущегося в воде Гальяно. – Может, утопил кто?

– Может, и утопил, – сказал парнишка серьезно. – Я у Туриста спрашивал, только он не ответил ничего.

– Что-то я купаться раздумал. – Туча сунул руки в карманы своих безразмерных штанов.

– Думаешь, она до сих пор там? – усмехнулся Матвей, кивая в сторону затона. – Ждет, когда ты в воду зайдешь, чтобы за пятку схватить?

– Выловили ее! – авторитетно заявил Василий. – Нет там никого, кроме жаб да этого вашего! – Он посмотрел на Гальяно.

– Эй, что у вас там за совещание? – Гальяно увидел, что за ним наблюдают, замахал руками. – Идите ко мне! Водичка – класс!

– Что-то не хочется. – Туча попятился.

– А я, пожалуй, окунусь! – Матвей снял наручные часы, сунул их в карман джинсов. – Ты со мной? – Он вопросительно посмотрел на Дэна.

Всего на мгновение, на какую-то долю секунды, лицо Дэна сделалось растерянным, а потом он решительно кивнул, потянул за ворот футболки.

Его тело с развитой мускулатурой и непривычно смуглой для блондина кожей было бы идеальным, если бы не послеоперационный рубец. Матвей точно знал, что рубец послеоперационный, у отца имелся такой же после операции на желудке. А вот что случилось с Дэном, в его-то возрасте? Он не стал спрашивать и пялиться на рубец тоже не стал. Понятно, почему Дэн не спешил раздеваться. Наверное, стеснялся своего исполосованного живота. Интересно, шрамы у него на руках появились одновременно с этим рубцом?

– Круто! Ты прямо как гладиатор – весь в шрамах! – В отличие от Матвея, Василий смотрел на Дэна во все глаза. – Мне про гладиаторов Турист рассказывал.

– Точно, как гладиатор. – Дэн вдруг улыбнулся. – А кто

такой Турист, который знает и про гарь, и про гладиаторов?

– А Турист – он Турист и есть! Тут неподалеку живет. Летом живет, а осенью в город съезжает. Его вообще-то дядей Сашей звать, но он такой клевый! – В глазах парнишки зажегся огонек обожания. – Он все-все умеет! Настоящий турист!

– Да елки-мotalки! – донесся до них возмущенный рев Гальяно. – Вы сегодня вообще купаться собираетесь?

– Идем! – Дэн взъерошил и без того дыбом стоящие Вaсины вихры, направился к воде.

Матвей обернулся к Туче.

– Ты как – заплывешь?

– Я уже заплыл! – Туча вдруг с отчаянной решимостью задрал майку, демонстрируя переваливающееся через ремень пузо. – Жиром заплыл. Видишь? – сказал злым шепотом.

– И что теперь? – Матвей пожал плечами. – Из-за такой ерунды лишать себя удовольствия?

– Он засмеет. – Туча не сводил взгляда с плещущегося в реке Гальяно.

– Не засмеет, – сказал Матвей с непонятно откуда взявшейся уверенностью. – Он нормальный пацан. Пойдем окунемся!

Туча долго молчал, а потом кивнул, принялся стаскивать майку.

В прохладную, несмотря на жару, воду он рухнул под одобрителное улюлюканье Гальяно. Сквозь сноп разлетаю-

щихся во все стороны брызг Матвей успел заметить белозубую улыбку Дэна, вторую за несколько минут. Все-таки это лето обязательно должно стать особенным!

Туча

Никто из них не смеялся! То есть они все смеялись, но не над ним, а просто из-за того, что побег из лагеря удался, что вода клевая, а жизнь прекрасная. Даже язвительный, тощий, как вобла, Гальяно словно и не замечал Степиной необъятной тучности, а если и замечал, то не придавал этому никакого значения. А надменный и на первый взгляд ко всему равнодушный Дэн Киреев, эта прекрасная помесь Аполлона с гладиатором, даже по-дружески похлопал Степу по плечу. А Матвей, навалившись сзади, попытался его слегка притопить, но не зло, а тоже по-дружески. Туче достаточно было дернуть плечом, чтобы Матвей сам с головой ушел под воду. Он вынырнул, фыркая и отплеываясь, и, кажется, посмотрел на Тучу с уважением.

– Да ты настоящий вепрь! – В голосе Гальяно послышалась зависть. – Здоровенный!

Да, он был здоровенный. Высокий, метр восемьдесят пять, но при этом необъятный, под завязку нашпигованный взлелеянными родителями комплексами. Даже силы, которую дала ему природа, он стеснялся так же, как и своей слоновьей неуклюжести. Но здесь, рядом с этими ребятами, оказывается, можно не стесняться и не думать ни о чем, кроме того, что вода классная, о том, что, возможно, – Господи, сделай так! – это лето окажется не таким уж плохим, как ви-

делось.

Обратно в лагерь возвращались почти бегом. Времени до ужина оставалось в обрез. Над головами назойливо кружилась непонятно откуда взявшаяся мошकारа, а с мокрых волос за шиворот стекала вода. Они были голодными и возбужденными из-за открывающихся перед ними перспектив.

– Волосы повытирайте! – велел Василий, запирая за ними заветную калитку. – И про собственный ключ подумайте. – Он хитро сощурился. – Видите, как хорошо, когда есть ключ!

– Ах ты коммерсант! – сказал Гальяно беззлобно и подмигнул Туче. – Что, пацаны, придется, наверное, раскошиться на золотой ключик!

Все согласно закивали. Туча тоже кивнул.

У них едва хватило времени, чтобы незамеченными прошмыгнуть во флигель и привести себя в порядок. Туча как раз заканчивал вытирать голову, когда в комнату заглянул командир, обвел их подозрительным взглядом и спросил:

– Где болтались, архаровцы?

– В парке! Изучали территорию. – Лицо Гальяно расплылось в не слишком приветливой улыбке. – Скука тут у вас смертная, – добавил он ехидно.

– Скука, говоришь? – Суворов нахмурился, а потом усмехнулся. – Посмотрим, что ты завтра запоешь, Гальянов! А теперь быстро в столовую! Отряд вас четверых ждать не будет.

Перед главным корпусом на том самом месте, где еще

утром стоял черный «Мерседес», сейчас возвышался двухъярусный автобус. Значит, приехали, наконец, ребята из второго отряда, те самые, которым предстояло стать их соперниками в никому не нужной битве за никому не нужную победу. Но теперь, когда он больше не был неудачником Степкой Тучниковым, а переродился в Тучу, когда рядом были если не друзья, то уж точно нормальные ребята, он не боялся никаких битв и никаких соперников.

На газоне среди желтых головок одуванчиков вдруг что-то блеснуло. Туча сначала замедлил шаг, а потом и вовсе присел на корточки, разглядывая находку. В траве, обернувшись серебряной цепью вокруг пука одуванчиков, лежал маленький ключик. Простенький, незатейливый и одновременно такой притягательный, что у Тучи задрожали руки. Ключик не просто выбросили. Какой дурак добровольно расстанется с такой удивительной вещью?! Его потеряли. Оборванная у самой застежки цепочка подтверждала эту версию. Туча даже догадывался, кому может принадлежать ключик, вот только твердой уверенности, что он вернет пропажу хозяйке, у него не было.

Туча как раз раздумывал, как поступить с находкой, когда над головой вдруг раздался до боли, до сердечной дрожи знакомый голос:

– Ба! Кого я вижу! Жиртрест, а тебя каким ветром сюда занесло?

Туча вздрогнул, испуганно зажмурился. Крепко-крепко,

до рези в глазах. Нет, этому лету не суждено стать самым прекрасным. Это лето не будет даже сносным, потому что теперь оно безнадежно отравлено...

Юрик Измайлов, главный мучитель и персональный кошмар Степана Тучникова, не должен был оказаться в этом лагере ни при каких обстоятельствах. Юрику Измайлову, сыну очень состоятельных и очень влиятельных родителей, самое место на каком-нибудь крутом заграничном курорте, а не в этой российской глуши.

– Эй, ты чего молчишь? Чего не здороваешься? – Не сильный, но унижительный пинок под зад швырнул Тучу носом в одуванчики, серебряный ключик снова едва не упал в траву. – Ну, поздоровайся со старым приятелем, Жиртрест!

Над головой, слева и справа, слышался издевательский смех. Его персональный кошмар обзавелся друзьями, такими же злыми и жестокими, такими же ядовитыми.

– Привет, Юра. – Степка нашел в себе силы встать на колени, но вот дальше было никак: ноги дрожали и не слушались. – Рад тебя видеть.

Он не был рад, он боялся и ненавидел одновременно. Еще пару секунд назад мягкие и пушистые одуванчики впились в кожу терновыми колючками.

– А уж как я рад, ты и представить себе не можешь! – Измайлов взирал на него с презрительным удивлением, сдвинув на лоб солнцезащитные очки. Его дружки, их было трое, тоже смотрели и многозначительно улыбались. – А мы боя-

лись, что нам будет здесь скучно. – Измайлов сплюнул, и Туча снова испуганно зажмурился, точно ожидал не плевка, а полновесного удара.

Как же он ненавидел себя в этот момент! Едва ли не сильнее, чем Юрика Измайлова. Ненавидел и не находил в себе сил даже встать с колен. Наверное, теперь он так и умрет на этом поросшем одуванчиками газоне...

– Это что еще за клоун? – Голос, по-девчоночьи визгливый, был ему незнаком.

– А это, Лютик, мой одноклассник! Прикинь, с какими уродами приходится учиться?

– Не повезло, старик, – сочувственно продребезжал Лютик.

Туча отважился приоткрыть глаза, чтобы через густой чашекол ресниц рассмотреть своих мучителей.

Наверное, Лютик – это вот этот высокий, похожий на жердь парень с пирсингом в брови. Из всей четверки он кажется самым безопасным. Остальные страшнее в разы. Два амбала, рослые и плечистые, низколобые, короткостриженные, с массивными челюстями и бычьими шеями, смотрели на Тучу с одинаково ленивым выражением одинаковых же лиц. Братья. Братья или и вовсе близнецы. Он не рассматривал, ему было страшно рассматривать...

– А вот вы, братишки, точно зря переживали из-за боксерской груши. – Измайлов, такой же самоуверенный и такой же красивый, как Дэн Киреев, но куда более опасный, при-

сел перед Тучей на корточки, и тот перестал дышать. О том, что он все еще жив, напоминал лишь больно врезающийся в ладонь серебряный ключик. – Вот вам и груша, братишки! Большая, жирная груша. Вы можете начать тренироваться прямо сегодня. Ты ведь не возражаешь, Жиртрест?

– ...Вообще-то, возражает! – раздался вдруг знакомый и до боли родной голос. – И пошли бы вы отсюда подобру-поздорову!..

Гальяно

То, что Туча куда-то подевался, они обнаружили, уже усаживаясь за стол. Это было странно, потому что еда для Тучи – святое. Гальяно, с молодых ногтей привыкший держать ситуацию под контролем, завертел головой. Тучу он увидел сразу, стоило только посмотреть в окно.

Туча стоял на коленях посреди газона, его окружали четверо. Два совершенно одинаковых бритоголовых бугая, похожих на гопоту, которой полным-полно было в том районе, где прошло детство Гальяно. На фоне этих двоих третий казался сущим дистрофиком из-за высокого роста и непомерной худобы. Дистрофик перекачивался с пяток на носки, и тощее его тело телепалось из стороны в сторону. Четвертый, Гальяно сразу и безошибочно определил в нем лидера, присев на корточки, что-то говорил Туче. Происходящее за окном не нравилось Гальяно так же сильно, как и дневной инцидент с похожей на пугало девчонкой. А может, не нравилось даже еще сильнее, потому что девчонку он знать не знал, а Тучу после недавней вылазки за территорию признавал своим. И не в его правилах было оставлять своих в беде. Даже численный перевес противника не мог его остановить! Молча ткнув локтем в бок Дэна и кивнув на окно, он торопливо выбрался из-за стола, по пути к двери бросил быстрый взгляд на кокетничающую с Суворовым Мэрилин,

нахмурился, но отвлекаться не стал.

Тучу собирались бить. Если не прямо сейчас, то в недалеком будущем точно. Закаленный в горниле уличных боев Гальяно такие вещи чувствовал шкурой. Тучу собирались бить, а Туча не был готов давать сдачи.

– ...Вот вам и груша, братишки! – Ладно скроенный, одетый в дорожные шмотки брюнет белозубо улыбался бритоголовым качкам. – Большая, жирная груша. Вы можете начать тренироваться прямо сегодня. Ты же не возражаешь, Жиртрест?

– Вообще-то, возражает! – От накатившей вдруг злости стало больно дышать. – И пошли бы вы отсюда подобру-поздорову!

– А это что за прыщ такой? – Брюнет перестал улыбаться, удивленно приподнял брови. – Это твоя подружка? А, Жиртрест? – Он ткнул Тучу кулаком в плечо, и тот покачулся.

– Туча, ты чего там ползаешь? А ну, вставай! – велел Гальяно. – Не хрен ползать перед всякими козлами!

– Кто это тут козел?! – по-девчоночьи тонко взвизгнул дистрофик. – Юрик, ты видишь? На нас наезжают!

– Вижу, Лютик, не слепой. – Брюнет, которого, оказывается, звали до банального простым именем Юрик, еще раз пнул безмолвного Тучу и всем корпусом развернулся к Гальяно. Братишки-качки тоже развернулись, с ленивой значимостью поигрывая бицепсами.

Не то чтобы Гальяно струхнул, но на какое-то мгновение

ему стало не по себе, а потом на плечо легла горячая ладонь и над ухом послышался спокойный голос Дэна:

– Ребята, какие-то проблемы?

– У нас? – Юрий и дистрофик обменялись многозначительными взглядами. – У нас никаких, а вот вы, похоже, нарываетесь.

– Мы не нарываемся. – По левую руку от приободдившегося Гальяно встал Матвей. Этот, в отличие от невозмутимого Дэна, рвался в бой. – Мы пришли за своим другом. Туча, – он повысил голос, – иди сюда! Что ты там потерял?

Туча попытался встать, но Юрий пинком свалил его обратно на газон.

– Лежи, Жиртрест! Мы с тобой еще не закончили.

Туча покорно замер, в его голубых глазах блеснули слезы. Гальяно мысленно чертыхнулся. Разве ж можно позволять вот так над собой издеваться?!

– Степан, иди сюда! – Дэн шагнул вперед.

В этот самый момент один из качков с неожиданной стремительностью выбросил вперед кулак. Если бы Дэн не увернулся, перелома носа было бы не миновать, но Киреев увернулся с грациозной легкостью, словно ждал подлого выпада. И от второго удара тоже увернулся, и от третьего...

Гальяно, затаив дыхание, ждал, когда же Киреев ударит сам. Ведь очевидно же, что чем-то он там, таким-этаким, владеет, каким-то единоборством. Но, вопреки ожиданиям, Дэн атаковать не спешил. Гальяно разочарованно вздохнул

и ринулся в бой. Хватит уже танцев!

От первого удара он ушел, а вот от второго не успел. И ладно бы достал его кто-то из качков, так нет же! Дистрофик, которого, казалось, шатает от ветра, извернулся, взмахнул тонкой, как плеть, рукой и засветил Гальяно прямо в глаз с такой силой, что посыпались искры.

– Ах ты, говнюк! – Гальяно не стал церемониться, коленом пнул дистрофика в пах. Тот взвыл и сложился пополам. Один готов!

Он обвел поле боя здоровым глазом. Матвей дрался с Юриком, никто из них не издавал ни единого звука. Туча, похоже, наконец-то пришел в себя и пытался встать на ноги. Дэн волчком вертелся между братишками, бить не бил, но на себя внимание отвлекал. Хоть какая-то польза от этой ламбады...

– А ну, стоп! Разойдись, я кому сказал!

Голос Суворова раздался над самым ухом, а суворовская волосатая лапища больно и крепко ухватила Гальяно за шиворот. Он попытался вывернуться, но не тут-то было: Суворов держал крепко. Юрика и Матвея разнимал какой-то незнакомый мужик, наверное, командир второго отряда. Киреев и братишки продолжали кружиться в своем странном танце. А к лужайке от главного корпуса бежала Мэрилин. Поверх сарафана она набросила белый медицинский халат, такой же короткий и такой же тонюсенький, как сарафан. Медсестра – вот кто его Мэрилин! Не какая-то глупая жожа-

тая, а медсестра! А может, и вовсе врач...

Гальяно приосанился настолько, насколько позволяла железная хватка Суворова, приготовился с достоинством принять первую медицинскую помощь из рук прелестной Мэрилин, но Мэрилин бросилась не к нему, а к Туче.

– Степан, с тобой все в порядке? – Она с тревогой осматривала его залитое слезами лицо, зачем-то ощупывала плечи и руки.

Туча ничего не отвечал, лишь тупо мотал башкой. Вот дурак...

– Киреев, прекрати! – рявкнул над ухом Суворов.

В ответ на окрик Дэн замер, и один из братишек его все-таки достал. Удар был такой силы, что сбил Дэна с ног. Гальяно застонал так, словно это ему самому только что чуть не сломали челюсть. Суворов вполголоса выругался, заорал на второго мужика:

– Чуев, да уйми ты своих отморозков!

Чуев, который одной рукой держал Юрика, а второй Матвея, тоже выругался, рявкнул во все горло:

– Голиковы, брэк! Брэк, я сказал! Или вы хотите первым же рейсом вернуться домой?

Братишки Голиковы домой не хотели. Наверное, поэтому один из них, уже занесший над Дэном обутую в тяжелый ботинок ногу, замешкался. А вот Дэн на сей раз тормозить не стал, какой-то совершенно немыслимой подсечкой свалил качка на землю.

– Твоя очередь, Максим Дмитриевич! – усмехнулся Чув и огладил сальным взглядом коленки Мэрилин.

– А ну, разошлись! – Лицо Суворова налилось нездоровым багрянцем, хватка стальных пальцев сначала ослабела, а потом вообще исчезла. Гальяно вздохнул полной грудью, наблюдая, как командир бросился между уже успевшим встать на ноги Киреевым и кружащими вокруг него братишками.

Бой явно закончился ничьей, и смекнувший это Гальяно со страдальческим видом направился к Мэрилин. Для пущей убедительности одной рукой он прикрывал подбитый глаз, а вторую прижимал к совершенно здоровому боку и даже весьма реалистично припадал на левую ногу. Доковыляв до Мэрилин, которая все еще хлопотала над ко всему безразличным Тучей, он со сдержанным стоном опустился прямо на газон. Конечно, первую помощь всегда сначала оказывают тем, кто слабее, но вот ведь он – пострадавший за правое дело боец...

Мэрилин на стон отреагировала мгновенно, обернулась, посмотрела встревоженно.

– Болит? – спросила, опускаясь перед Гальяно на колени и накрывая пальчиками его прижатую к глазу руку.

– Немного, – сказал он с мужественной сдержанностью.

– А где еще болит?

– Тут. – Он похлопал себя по ребрам. – И нога, кажется...

– В медпункт! – заявила Мэрилин решительно и растерянно одновременно. – Тебя нужно осмотреть.

Конечно, его нужно осмотреть! Осмотреть, выслушать сердце, посчитать пульс, измерить давление и температуру, погладить больное место или даже поцеловать. От ярких и обжигающе реалистичных фантазий Гальяно бросило в жар, но устремленный на него пристальный взгляд Суворова мгновенно остудил душевный порыв. Да, борьба за сердце прекрасной Мэрилин пойдет нешуточная!

Дэн

В отсутствие уведенного в медпункт Гальяно за столом царил непривычная тишина. После выволочки, полученной от Суворова, их наконец отпустили в столовую.

– И что это было? – нарушил тишину Матвей и внимательно посмотрел на Тучу.

Тот понуро сидел над полной тарелкой и, кажется, не думал прикасаться к еде. Под взглядом Матвея он испуганно втянул голову в плечи. Дэн невольно поморщился. Ну нельзя же быть такой размазней!

– Ты их знаешь? – спросил он.

– Только одного, – решился заговорить Туча. – Юрик Измайлов – мой одноклассник. Я не думал, что он сюда придет, а он приехал. И эти трое с ним...

– Тебя травили в школе? – Дэн не стал ходить вокруг да около. Точку в этом мерзком деле нужно было поставить прямо сейчас.

Туча молча кивнул, на его щеках полыхнул румянец, а лежащие на столе руки задрожали.

– Ясно. – Дэн многозначительно посмотрел на Матвея, тот ободряюще улыбнулся.

– И друзей у тебя, я так понимаю, никогда не было?

Туча долго разглядывал свои пухлые, в царапинах руки, а потом сказал едва различимым шепотом:

– Нет.

– Теперь есть. – Дэн похлопал его по плечу.

– И в обиду мы тебя не дадим, – добавил Матвей. – Не знаю, как остальным, а мне не нравится, когда моего друга используют вместо боксерской груши.

– Мне тоже не нравится. – Дэн коснулся ссадины на щеке, слегка поморщился, но не от боли, а от досады. Сегодня он позволил себя обыграть, допустил промашку, отвлекшись на голос Суворова. За то и поплатился.

Вообще-то, из этого поединка он мог выйти победителем почти сразу. Братья-близнецы были крепкими, тренированными, владели азами рукопашного боя, но у них не имелось и десятой части его стремительности и его злости. Именно злость, рвущаяся вперед, точно цепной пес, заставляла его держать себя в руках. Злость и демон, поселившийся в его душе стылой октябрьской ночью. Дэн никогда больше не станет драться с теми, кто слабее. Никогда не даст демону второго шанса. Отныне только он контролирует ситуацию. А ссадина – это ерунда, до свадьбы заживет.

– Спасибо! – У Тучи теперь дрожали не только руки, но и губы. – Спасибо вам большое, пацаны!

– Не за что, – усмехнулся Матвей. – И не нас благодари, а Гальяно. Это он заметил, что ты влип.

– Ему сильно досталось? – Лицо Тучи сделалось виноватым.

– Не сильнее, чем остальным. – Матвей подмигнул Дэну.

– Но он же в медпункте.

– Он в медпункте не потому, что он смертельно ранен, а потому, что наша медсестра – красотка! – Матвей широко улыбнулся. – Похоже, Гальяно – еще тот сердцеед!

– То есть ничего страшного? – Туча робко улыбнулся.

– С Гальяно точно все в порядке. Меня больше волнуешь ты. – Матвей вдруг сделался серьезным.

Договорить он не успел, потому что прямо в тарелку Тучи шлепнулся скатанный из хлебного мякиша снаряд. Туча испуганно вздрогнул. За соседним «вражеским» столом заржали.

– А меня волнует вот это. – Дэн неспешно выбрался из-за стола, прихватив с собой тарелку с ужином Тучи, спросил, глядя прямо ему в глаза: – Будешь это есть?

Туча отчаянно замотал головой, скосил взгляд на «вражеский» столик.

– Хорошо. – Так же неспешно Дэн подошел к Юрику и вывернул содержимое тарелки ему на голову. Дождаться реакции не стал, вернулся на свое место под возбужденное улюлюканье свидетелей инцидента и под ленивые аплодисменты Матвея.

– Никому не позволяй издеваться над собой. Ты понимаешь, Туча?

Туча ничего не ответил, его сжатые в кулаки пальцы больше не дрожали.

– У тебя же силища о-го-го! – Матвей по-дружески ткнул

его локтем в бок. — Мне бы такую силищу!

— Киреев, встаньте, пожалуйста! — слышался над их головами не громкий, но властный голос. Еще не обернувшись, Дэн уже знал, кому он принадлежит.

Начальник лагеря рассматривал его, слегка прищурив светло-серые глаза, рассеянно поигрывая черной щегольской тростью. Раньше трости, кажется, не было.

— Вы второй раз за день нарушили установленные правила. — Голос начальника оказался совершенно лишен каких бы то ни было интонаций, а взгляд не выражал ровным счетом ничего. — Учитывая некоторые обстоятельства вашего личного дела, я вынужден принять меры.

— Антон Венедиктович, а может, дадим парню еще один шанс? — Стоящий за спиной Шаповалова Суворов состроил зверскую рожу и погрозил Дэну кулаком. — А я уж проведу беседу, растолкую, что к чему.

— Разумеется, вы проведете беседу, Максим Дмитриевич. — Начальник не сводил взгляда с Дэна. — Но здравый смысл и жизненный опыт подсказывают мне, что с такими упрямыми молодыми людьми одними лишь беседами не обойдешься. На первый раз, думаю, двух часов будет достаточно. Вы готовы ответить за свой проступок, молодой человек?

Вместо ответа Дэн равнодушно пожал плечами. Какое еще наказание мог придумать для него этот на первый взгляд совершенно безобидный дядька?! Начистить картошки на весь

лагерь? Отдраить до блеска сортиры? Что бы там ни было, Дэн переживет.

– В таком случае, Максим Дмитриевич, проводите провинившегося в карцер.

Карцер? Надо же! Странно даже не то, что в элитном спортивном лагере имеется такое дикое место, как карцер. Странно, с каким скрытым, но все же прорывающимся наружу удовольствием произнес это мрачное слово начальник.

– Допрыгался, Киреев, – прошептал ему на ухо Суворов. – В первый же день умудрился вляпаться...

Они уже направлялись к двери, когда повисшую в столовой тишину нарушил громкий голос:

– Стойте! – Туча торопливо выбрался из-за стола, подошел к Дэну. – Это из-за меня все началось. – Его полные щеки покрывал лихорадочный румянец, но выглядел он очень решительно. – Сажайте и меня в карцер!

Начальник, уже собиравшийся уходить, обернулся, посмотрел на Тучу поверх очков, после недолгих раздумий сказал:

– Как вам будет угодно!

Туча торжествующе вздернул подбородок, пристроился рядом с Дэном, готовый идти хоть в карцер, хоть на край света. Киреев бросил быстрый взгляд на порывавшегося что-то сказать Матвея, предупреждающе покачал головой. Хватит с него мучеников, а то, глядишь, в карцере и места не хватит всем желающим.

– До полуночи! – заявил вдруг Шаповалов. – Ваше наказание продлится до полуночи.

Да хоть до следующего утра! Дэн ободряюще улыбнулся Туче, тот улыбнулся в ответ.

Уже на выходе из столовой их маленькая процессия столкнулась с Гальяно, живым и невредимым, сияющим, как начищенный пятак.

– А что это? – начал было он, но, напоровшись на мрачный взгляд Суворова, замолчал.

Во дворе по случаю ужина было пустынно. Дэн кожей чувствовал направленные им в спину взгляды оставшихся в столовой ребят.

Вслед за Суворовым они с Тучей понуро брели по огибающей главный корпус дорожке, когда из-за угла на них вылетело и едва не сбило с ног что-то верткое и черное. Верткое и черное при ближайшем рассмотрении оказалось той самой девчонкой, которую утром привезли на «мерсе». Только вот выглядела она несколько иначе. Вместо нелепого розового сарафана на ней были рваные черные джинсы и черная же футболка с задорно скалящимся черепом. На ногах – старые кроссовки, одну половину лица по-прежнему занавешивала косая челка, а подведенный черным ярко-синий глаз смотрел на мир все с той же злостью. Только теперь к злости, кажется, примешивалось отчаяние.

Девчонка летела со скоростью пули, по касательной задев Дэна, она развернула его вокруг собственной оси, а сама рух-

нула на дорожку.

– Осторожнее! – Дэн протянул руку, чтобы помочь ей встать, но вместо ожидаемой благодарности получил хлесткий, как удар плети, взгляд. Игнорируя протянутую руку, девчонка вскочила на ноги и бросилась бежать.

– Сумасшедший дом! – буркнул себе под нос Суворов, а потом велел: – Что встали, архаровцы! Вперед, в карцер!

Перед тем как свернуть за угол, Дэн обернулся. Девчонка стояла на коленях посреди одуванчикового газона, а исходящее от нее отчаяние чувствовалось даже на расстоянии.

– Топай! – Суворов легонько подтолкнул его в спину. – Нашел кем любоваться.

Карцер располагался за главным корпусом на территории хозпостроек и представлял собой поросший травой и лопухами холм. Холм таращился на мир крошечным незастекленным оконцем, протиснуться в которое могла разве что кошка.

– Пришли. – Суворов остановился перед невысокой, но с виду на удивление надежной дверью, загремел ключами. Дверь открылась с противным скрипом. Наверное, карцером не пользовались с прошлого лета.

– Я первый, вы следом! – Суворов щелкнул карманным фонариком, нырнул в пахнущую плесенью и сыростью утробу холма. Дэн, согнувшись в три погибели, протиснулся в узкую дверь, за его спиной тоскливо вздохнул Туча.

Вниз вела крутая земляная лестница. Дэн насчитал три-

надцать ступеней. Лестница заканчивалась небольшим, заставленным пустыми деревянными ящиками и заваленным мешками с картошкой погребом, похожим на колодец. Земляные стены, несмотря на непривычную для июня жару, сочлились холодом и сыростью. Вот он какой – карцер!

– Ну, архаровцы, как вам? – Суворов обвел их будущую темницу задумчивым взглядом.

– Нормально. – Дэн опустился на один из ящиков.

Туча аккуратно присел на мешок с картошкой.

– Нормально ему. – Суворов вздохнул так же, как всего мгновение назад вздыхал Туча. – Тут, между прочим, холод и слизняки. И электричества нет. – Он поднял глаза к вентиляционному окошку. – Окно специально не стеклили, чтобы не позадыхались.

– Очень человечно! – Дэн попытался вытянуть перед собой ноги, но из-за нагромождения ящиков у него ничего не получилось.

– А если вдруг в туалет?.. – застенчиво поинтересовался Туча.

– Вот вам туалет! – Суворов кивнул на старое жестяное ведро. – Антон Венедиктович сказал: до полуночи. – Он осветил фонариком сначала в лицо Туче, потом в лицо Дэну. – Но если будете сидеть тихо, выпущу раньше. Уяснили?

– Уяснили.

По голосу командира было слышно, что идея с карцером не вызвала в его душе одобрения, но приказ есть приказ.

– Если вдруг что – орите! – сказал он после небольших раздумий. – Только не без дела, а то оставлю куковать до утра.

Суворов еще немного постоял, а потом махнул рукой и выбрался из погреба. Лязгнул замок, они остались вдвоем.

Туча

Всего за один день жизнь встала с ног на голову. Или наоборот? Туча еще не определился. Всего за один день он, всегда старавшийся оставаться в тени, обрел лютых врагов и, что гораздо важнее, настоящих друзей. Впервые в жизни за него заступились не приставленные отцом телохранители, а такие же, как он сам, ребята. Впервые в жизни он совершил поступок, отважился привлечь к себе внимание, принял по-настоящему мужское решение.

– Ты как? – спросил Дэн, когда за командиром закрылась дверь.

– Я нормально, – сказал он и улыбнулся.

– Не обязательно было.

– Нет, обязательно.

– Ну, как знаешь.

Дэн встал на ноги. Огляделся.

– Надо тут слегка прибраться. Освободить место для комфортного арестантского существования. Поможешь?

– Помогу.

Полчаса они занимались уборкой. Ящики придвинули к той стене, в которой было вентиляционное окошко, выстроили в несколько рядов, чтобы получились ступеньки. С мешками пришлось повозиться, мешки оказались тяжелыми. Вот тут и пригодилась дремлющая в необъятном Тучином

теле сила. С мешками он справился сам, отмахнувшись от помощи Дэна. Хотел хоть как-то отблагодарить, дать понять, что он ценит то, что для него сделали.

Работали молча. Дэн вообще больше молчал, чем говорил, но его молчание Тучу совсем не напрягало. Оно было того совершенно особенного сорта, когда слова не нужны. Дружеское молчание – вот!

Из картофельных мешков в центре погребца соорудили что-то вроде топчана, сверху набросили найденную тут же рогожу. Получилось не слишком роскошно, но теперь ребята могли не только сидеть, свободно вытянув ноги, но даже лежать. Ни для каких других маневров в погребке больше не оставалось места.

– А неплохо! – Дэн растянулся на лежаке, закинул руки за голову. – Еще бы покушать, – добавил мечтательно.

Туча, который во время генеральной уборки о еде совсем не думал, согласно закивал. Желудок тут же жалобно взвыл. Ничего, за чудеса, случившиеся сегодня в его жизни, он готов отказаться от любой, даже самой вкусной еды.

– Ты как сюда попал? – Дэн перевалился на бок, подпер рукой голову, посмотрел на Тучу. – Я имею в виду этот лагерь.

– Отец отправил. – Туча пожал плечами. – Сказал, что здесь из меня сделают настоящего мужика.

– Если так и дальше пойдет, то сделают запросто. Элитный лагерь для трудных подростков. Ты трудный подросток,

Туча?

– Не знаю. – Он снова пожал плечами. – В каком-то смысле. А ты?

– Я да, в каком-то смысле. Мне, наверное, дисциплина на пользу. – Дэн надолго замолчал, уставившись на прислоненные к земляной стене сломанные напольные часы. Часы были высокими, под два метра, массивными и очень старыми. На побуревшем от времени циферблате кое-где еще виднелась позолота, часовая стрелка погнулась, а дверка, прикрывающая механизм – или что там должно быть внутри напольных часов, – покосилась. На дверце был вырезан вепрь, грозный и внушающий уважение своей силой и свирепостью. Туче вдруг стало очень жаль эти старые, раскуроченные часы. Он любил старинные вещи, чувствовал их красоту и особенность. Дверку можно попытаться починить, циферблат отреставрировать, корпус ошкурить и заново покрыть лаком. Как быть с механизмом, который наверняка давно пришел в негодность, Степа не знал, но уже мысленно прикидывал, с какой стороны лучше взяться за реставрацию.

– Интересно, наших родителей информировали о том, что к их чадам будут применяться такие вот исключительные меры? – снова заговорил Дэн.

– Моего отца информировали точно. – Туча не удержался, подобрался к часам, смахнул со стрелок густую паутину.

Дэн не стал спрашивать, откуда такая уверенность, а Степа не стал объяснять, еще раз коснулся погнутой часовой

стрелки, чихнул от пыли. Хорошие часы: живые, с историей...

Время тянулось медленно. Наверное, в заточении оно всегда течет по-особенному неспешно. За окошком сгустились сумерки, в погребе стало совсем темно, и Туча подумал, что, доведись ему оказаться в этом месте одному, без Дэна, он бы непременно сошел с ума от страха. Но с Дэном было совсем не страшно, даже в почти крошечной темноте. Просто немного мастно.

Чтобы отвлечься, он достал из кармана ключик, осторожно пробежался пальцами по его контуру. Ключик тоже был старинный и имел свою историю, как сломанные часы. Откуда Туча это знал, ему самому было неясно. Просто знал, и все тут. Именно это особенное знание не позволяло ему расстаться с ключом, вернуть его законной хозяйке.

А она ведь его искала. Та, похожая на маленькую вертящую галку девчонка. В памяти Тучи не осталось четкого образа, только изменчивый, неуловимый силуэт.

– Эй, вы там еще живы? – Тишину нарушил громкий голос Гальяно, а сочащийся из вентиляционного окошка мутный лунный свет на мгновение померк. Наверное, Гальяно просунул в окошко голову.

– Живы! – подал голос Дэн, и по тихому шуршанию Туча понял, что он встал с лежака.

– Ну, и как там в неволе? – А это уже голос Матвея. – Мучительно?

– Терпимо, только вот все бока себе отлежали и есть охота.

– Так мы потому и пришли. Черт, не видно ничего! Матюха, посвети!

Вверху, под потолком, вспыхнул огонек зажигалки, освещающая сосредоточенное лицо Гальяно.

– Да, не номер люкс! – Огонек на мгновение погас, а потом снова зажегся. – Киреев, ну-ка лезь сюда. Мы вам хавчик принесли. Туча, курочку твою, и, ты уж нас прости, пошмонал я твои стратегические запасы, нашел печенье и шоколадку.

– Хорошо, что пошмонал! – Туча улыбнулся, погладил себя по пустому животу. – Кушать очень хочется.

– Будет тебе «кушать». Киреев, ну что ты там? Пошевеливайся!

– Уже! – Дэн проверил крепость ящиков и проворно взобрался вверх по импровизированной лестнице. – Давай курочку!

– Ни тебе «мерси, дорогой друг», ни тебе «счастлив видеть». – Гальяно снова погасил зажигалку, а через мгновение в окошко просунулась рука с зажатым в ней свертком.

Дэн поймал сверток, перебросил его Туче. Удивительно, но даже в темноте у Тучи получилось сверток не уронить.

– Мерси, дорогой друг! – сказал Дэн весело. – Ну, как там на воле?

– Да уж получше, чем в этих фашистских застенках. Я вот подумал, может, у Василия прикупить ключ и от погреба? –

раздалось с той стороны.

– Думаешь, пригодится?

– Думаю, не повредит. Чует мое сердце, не в последний раз вы в этом каземате.

– Даже если так, то ключ погоды не сделает, – вмешался в разговор Матвей. – Попалят.

– Да кто ж тебя попалит? – возразил Гальяно.

– Да мало ли кто! Проще пару часов здесь отсидеть, чем потом с Шаповаловым разбираться. Я тут навел справки: начальник наш только с виду гуманист, а на самом деле тот еще диктатор. Его даже Суворов боится.

– И не пожалуется на этого садиста никто, – буркнул Гальяно. – Я вот как мамке расскажу, будет ему и диктатура, и военный трибунал.

– Лагерь забыл какой? – не сдавался Матвей. – Лагерь спортивно-патриотический. Повышение боевого духа, выживание в условиях, близких к экстремальным. У них даже вот этот ваш карцер в договоре прописан. Ни к чему не подкапывайся. Да ладно вам! Может, и не попадет никто больше в этот застенок. Чего раньше времени нервничать?

– Я не нервничаю, я просчитываю варианты развития событий. А насчет ключа я с Васькой все-таки потолкую. Может, у него вообще этого ключа нет, тогда и разговаривать не о чем.

При слове «ключ» Туча крепче сжал свой собственный ключ, вздохнул.

– А еще будет нужно фонарик купить, – продолжал просчитывать варианты Гальяно. – Чтобы не сидеть тут в темноте, как сычи. Ладно, пойдем мы, пока нас Суворов не хватился, а вы хавайте! Завтра денек обещают жаркий, будем сражаться за звание волков. Или вепрей? – В темноте снова вспыхнул огонек зажигалки. – Вам что больше нравится?

– Мне все равно. – Дэн спрыгнул с ящиков.

– А тебе, Туча?

– И мне все равно. – Туча зашелестел оберткой.

– А мне вот волки как-то симпатичнее, чем какие-то свинки, – сказал Гальяно задумчиво.

– Вепри – это не какие-то свинки. Это тоже в некотором роде хищники. И очень опасные, – сообщил Матвей.

– И откуда ты такой ученый выискался?! Волки, вепри... Спать пошли, ученый! А то мы с тобой завтра будем и не волками, и не вепрями, а сурками. Все, пацаны, скорейшего освобождения!

– Спасибо за ужин! – Дэн на ощупь пробрался к Туче и, уже добравшись, сообразил: – Черт, надо было зажигалку попросить, а то не видно ничего.

– Разберемся, – успокоил его Туча, вкладывая в протянутую ладонь ломоть хлеба с лежащим на нем куском курицы. – Приятного аппетита.

Никогда раньше еда не казалась ему такой вкусной. Никогда раньше наказание не вызывало у него улыбку. Чудеса!

То, что снаружи за запертой дверью кто-то есть, первым

почувствовал Дэн, предупреждая коснулся руки Тучи, едва слышно велел:

– Тихо.

Туча замер, даже жевать перестал. Дэн бесшумно встал с лежака, так же бесшумно поднялся по земляной лестнице, остановился у двери. Долгие мгновения казалось, что ничего не происходит, что им все померещилось; Туча уже начал успокаиваться и даже откусил от шоколадки, когда дверь вздрогнула от удара. Может, недостаточно сильно, но достаточно громко в сонной ночной тишине. Туча тоже вздрогнул, едва не подавился.

– Эй, кто там? – Голос Дэна совсем не изменился, точно он и не испугался вовсе. А может, и не испугался.

Ответом ему стал еще один удар в дверь и сердитое, ну точно змеиное шипение, а всего через мгновение льющийся из окошка свет померк. Кто-то смотрел на них сверху... Туче с перепугу даже почудилось, что в темноте сверкнули покошачьи два глаза. А еще ему казалось, и чувство это было столь же сильным, сколь и иррациональным, что странный ночной гость смотрит именно на него.

– Что тебе нужно? – Он, как и Дэн, старался быть бесстрашным, но получалось плохо, футболка вдруг взмокла, прилипла к спине. – Эй, ты чего молчишь?

В отличие от него, Дэн больше не задавал вопросов, бесшумной и едва различимой тенью он пересек погреб, принялся карабкаться вверх по ящикам.

«Не надо!» – хотелось заорать Туче, но голос вдруг пропал, пересох, как пересыхает ручей жарким летом. Остался только липкий страх и уверенность, что там, за окошком, притаилась опасность. Наверное, он бы все-таки нашел в себе силы закричать, но в тот самый момент, как его пересушенные страхом легкие стали наполняться воздухом, а Дэн оказался на самой верхней, самой шаткой «ступеньке», распахнулась дверь, и темноту погребца прочертил яркий луч фонарика.

– Эй, Киреев, ты что там делаешь? – послышался раздраженный голос Суворова. – А ну-ка слезай, пока шею не свернул! Что, удрать надумали, архаровцы?! – спросил он, спускаясь по лестнице. – Так пустое! Это окошко для вентиляции, а не для побегов. Я же вам, кажется, объяснял.

– Не собирались мы убежать! – Дэн спрыгнул едва ли не с самой высокой «ступеньки», замер напротив командира.

– А баррикады тогда зачем нагородили?

– Чтобы воздухом дышать.

– Чтобы воздухом дышать! – передразнил Суворов. – Не надышались еще воздухом! Ну ничего, завтра надышитесь. Я вам гарантирую! А теперь марш отсюда, чтобы глаза мои вас не видели! Завтра подъем в шесть утра.

Снаружи было привольно, дневной зной сменила ночная прохлада. Туча огляделся в поисках недавнего гостя, никого не заметил и вздохнул наконец полной грудью.

– Это наверняка наши «дружки», – шепнул на ухо Дэн. –

Приходилили провести.

Нет, Туча с сомнением покачал головой. Конечно, он боялся Юрика Измайлова и его друзей-отморозков, но страх, пережитый им в погребке, был особенным, никак не связанным с обычными проблемами. Только вот как объяснить это рациональному и бесстрашному Дэну?! И надо ли объяснять?..

Они уже подходили к флигелю, когда небо далеко над лесом озарилось светом.

– Что это? – Дэн замер, запрокинул голову, разглядывая творящееся светопредставление.

– Это? – Суворов тоже остановился, нахмурился. – Наверное, молния.

– Не похоже. И грома нет.

– Может, прожектором кто-то светит? – предположил Туча. – Ну, как на праздниках...

И в самом деле было похоже, что свет бьет столбом прямо из лесных зарослей, рассыпаясь в небе на мириады едва различимых лучиков. Только вот мерещилось в этом свете что-то странное, не похожее ни на что ранее виденное. Свет переливался всеми оттенками зеленого, опалесцировал, как любимый абсент отца. И при этом он не имел плотности, походил на сильно сгустившийся, рвущийся к ночному небу столб зеленого тумана.

– Может, и прожектором, – согласился Суворов, но хмуриться не перестал. – А что это мы стоим? – спросил он стро-

го. — Топаем к корпусу, пока не рассвело.

Они были уже на крыльце флигеля, когда Туча почувствовал, что за ними наблюдают. Кто-то крался за ними от самого погреба. Ночной гость?

— Давай, Тучников! — Суворов легонько подтолкнул его в спину, сказав в который уже раз: — Завтра вставать рано.

Окна флигеля были черны, только в комнате командира тусклым оранжевым светом горел ночник.

— В туалет, и спать! — велел Суворов, замирая посреди полутемного коридора. Видно, так и будет стоять, пока они не улягутся. Наблюдатель...

Матвей и Гальяно уже спали. Вошедшие поняли это по залиvistому, с переливами, сопению.

— Видел? — спросил Дэн, кивая на окно.

Ночное небо было уже привычно черным, с россыпью ярких звезд и серпиком зарождающейся луны. Никакого намека на недавнее светопреставление. Но Туча сразу понял, о чем Дэн спрашивает.

— Видел. — Он кивнул, через ворот стащил с себя майку. — Как думаешь, что это было?

— Не знаю. Странное что-то.

— НЛО?

— А черт его знает! Может, и правда прожектор какой. Я примерно представляю, где это, можем глянуть на досуге.

Туче не хотелось искать источник этого странного света, сердце чуяло неладное, а кожа между лопатками до сих пор

горела от чужого, полного ненависти взгляда.

– За нами следили. Ты заметил? – спросил он шепотом.

– Нет. – Дэн мотнул головой, забрался под одеяло.

– А мне вот показалось...

– Может, отморозки эти?

– Может...

– Давай спать, Туча, а то ведь и в самом деле завтра будем как вареные.

Дэн уснул почти сразу, а к Туче сон все не шел. Он лежал на спине, уставившись в черный провал окна. В какой-то момент ему начало казаться, что там, за окном, кто-то стоит. Стоит и смотрит...

Туча всхлипнул, с головой накрылся одеялом. Под жарким шерстяным одеялом до него и добрался беспокойный, полный тревожных видений сон.

Гальяно

– Архаровцы, подъем! – Зычный рев, казалось, раздавался над самым ухом.

Гальяно попытался спрятаться от рева под подушкой.

– Подъем, я сказал! – Сначала подушка, а за ней и одеяло спланировали на пол.

Гальяно тихо ругнулся, сел в кровати, замотал головой, прогоняя сон, и только потом разлепил глаза.

Посреди комнаты, уперев в бока кулаки, стоял Суворов, выряженный в щегольской спортивный костюм. На его бычьей шее болтался свисток.

– Давай-давай, Гальянов, пошевеливайся! Тучников, я кому сказал – подъем?! Берите пример с товарищей.

Гальяно перевел затуманенный взгляд с командира сначала на уже полностью одетого Киреева, потом на почти полностью одетого Матвея, выразительно застонал и ощупал заплывший после вчерашней битвы глаз.

– Через пятнадцать минут все должны быть в столовой! – велел Суворов, убираясь, наконец, из их комнаты. – Киреев, ты за старшего! – послышалось уже из коридора.

– Ну что, мужики, поборемся за гордое звание волков? – поинтересовался Гальяно, натягивая штаны.

– А есть другие варианты? – усмехнулся Матвей, доставая из тумбочки пасту и зубную щетку. – Вас во сколько вчера

выпустили? – Он обернулся к Дэну.

– Почти в полночь, вы спали уже.

– Вот Суворов, шаповаловский прихвостень! – проворчал Гальяно. – Мог бы и пораньше.

– Мы вчера видели кое-что странное. – Туча натянул штаны и футболку, вопросительно посмотрел на Дэна. Тот кивнул. – В небе над лесом сноп света. Как НЛО, – добавил он шепотом.

– Так уж и НЛО! – усомнился Гальяно, которому вдруг стало обидно, что сам он «кое-что интересное» проспал.

– Может, и не НЛО, но точно что-то странное, – поддержал Тучу Дэн. – Как будто где-то в лесу спрятан источник света.

– Как прожектор? – уточнил Матвей. – А тут в округе часом никаких военных баз нет?

– Нет, – уверенно сказал Туча. – Мой отец наводил справки. Здесь экологически чистая зона, практически заповедник. И свет для прожектора какой-то странный – зеленый.

– Зеленый? – Гальяно приподнял одну бровь.

– Ага! И не яркий, а какой-то рассеянный.

– Круто! Надо будет этот зеленый фонарик поискать! А то, может, и в самом деле инопланетяне? Вдруг у них тут база?

– Сам ты инопланетянин! – похлопал его по плечу Матвей. – Сначала у местных нужно порас-спрашивать, информацию собрать.

– Вот любит наш Мотя информацию собирать! – Гальяно

попытался разлепить заплывший глаз, ничего не вышло. — Просто Шерлок Холмс какой-то!

— А по уху за Мотю? — ласково поинтересовался Матвей.

— Хватит, — положил конец их вялой перебранке Киреев. — Давайте умываться и в столовку!

— Один сыщик, другой командир, — буркнул Гальяно и полез в тумбочку за пастой.

В столовой царила непривычная тишина, нарушаемая лишь ленивым бряцаньем ложек по тарелкам. Воспитанники спортивно-патриотического лагеря не выспались и оттого вели себя нетипично смирно. Даже над «вражеским» столиком висела мрачная тишина. Лишь дистрофик время от времени бросал на Гальяно многозначительные и полные ненависти взгляды.

Когда их выстроили на площадке перед главным корпусом, было уже без двадцати минут семь. Два отряда по двадцать человек в каждом, построившись в две шеренги, стояли друг против друга, а по образованному ими коридору неспешно прохаживался, чуть припадая на левую ногу, начальник лагеря Шаповалов. Одет он был в камуфляж и выглядел в нем до комичного нелепо, как решивший поиграть в войнушку библиотекарь. Во главе каждой из колонн стояли командиры. В отличие от самодовольно ухмыляющегося Чуева, Суворов был мрачен. Гальяно его понимал. Даже на не слишком профессиональный взгляд, силы были неравны. В их отряде худо-бедно спортивными и подготовленными

ми были только Матвей и Киреев. Себя Гальяно оценивал с изрядной долей скепсиса и понимал, что одолеть противника он сможет только лишь хитростью и изворотливостью, но никак не силой. Про Тучу и вовсе нечего говорить. Сила у него, конечно, имелась, да только в бесполезности этой силы они все могли убедиться вчерашним вечером.

Соперники же выглядели куда более убедительно. Два брата-акробата, не люди, а машины для дробления костей. Измайлов, тот еще попрыгунчик. Еще парочка довольно спортивных ребят. И нет такого балласта, как Туча. Про балласт Гальяно подумал без злобы, просто констатировал неутешительный факт.

От невеселых мыслей его отвлекло появление Мэрилин. Мэрилин выглядела невыспавшейся, то и дело зевала, прикрывая рот ладошкой, зябко куталась в наброшенную поверх медицинского халата вязаную кофту. Но даже в таком виде она была прекрасна! Гальяно прикрыл здоровый глаз, вспоминая приятное завершение прошлого дня. Кожа до сих пор хранила воспоминания о ласковых пальчиках Мэрилин, а в волосах запутался нежно-цветочный аромат ее духов. Мэрилин была внимательна, старательна и профессиональна. И пусть она никак не реагировала на оказываемые знаки внимания – все еще впереди. У них впереди еще целое лето, и рано или поздно – лучше, конечно, рано! – она упадет в его мужественные объятия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.